ДБ
30
К-78
Кавказ
Красильник
кавказ и
его обит.

1194-15/VII 48

DB
30 Kaвkaз
K78

Зк
167892р

ДБ
Кавказ
30
К78
91(47)
К 77
СПЕЦ-ФОНД
14222 6194

Ф. С. Красильников

Кавказ и его обитатели

Географическо-этнографические очерки

Содержание. Географическое положение края. Поверхность его. Население. Народы, занимающие северную равнину: русские, калмыки, ногайцы, туркмены, киргизы. Время поселения и занятия их. Осетия: положение, климат, природа, характер местности. Ледниковая область. Краткая история осетин. Одежда. Пища. Нравы и обычаи. Верования. Праздники. Обряды при похоронах, свадьбах и др. Народные сказания. Западно-горские племена: абхазцы, черкесы, кабардинцы; черные татары: карачаевцы, балкарцы, урусбиевцы; чеченцы, история поселения, занятия, религия. Дагестан. Поверхность его, природа. Население, нравы, обычаи, характер, занятия. Религия. Мюридизм. Шамиль. Промышленность. Закавказье. Сухумо-Батумский край. Грузия. История Грузии. Грузины: наружность, характер их; одежда, жилище, семейный уклад; нравы и обычаи; свадьба, похороны; праздники. Хевсуры. Сванеты. Татары адербейджанские. Шииты. Праздник Шаксей-Ваксей. Армения. Курды.

С рисунками.

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению.
МОСКВА.—1919.

89
Зам

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
531516

Право издания книги Ф. С. Красильникова „Кавказ его и обитатели“ приобретено в собственность Литературно-Издательского Отдела Народного Комиссариата по Просвещению сроком на 5 лет, по 15 января 1924 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Заведующий Лит.-Изд. Отд. Нар. Ком. Просв.
П. И. Лебедев-Полянский.

15/I 1919 г.

В предлагаемых этнографических очерках населения Кавказа я помещаю описание самых древних обитателей этого интересного края: осетин, черкесов, кабардинцев, абхазцев, чеченцев, лезгин, грузин, армян и некоторых других. При этом, чтобы не повторяться об одних и тех же сторонах быта у разных горцев, я подробно касаюсь только некоторых из наиболее исследованных народов (напр., для Северного Кавказа—осетин) и дополняю сведениями о других, останавливаясь только на тех сторонах их жизни, которыми они отличаются (помимо языка) от своих соседей.

Что же касается географического описания самого края, то я полагаю, что едва ли нужно в популярной брошюре соблюдать тот порядок описания страны, который принят, ну хотя бы в учебниках географии.

Думаю, что строгое описание страны: ее положения, границ, поверхности, почвы, орошения, климата, природы и административного разделения, с перечислением целого ряда хребтов, гор, долин, рек, озер и городов, едва ли может дать простому читателю большее представление о стране, чем художественное, хотя бы несколько и преувеличенное описание наиболее характерных мест данного края. Поэтому вначале я помещаю только общий очерк поверхности края,

чтобы дать возможность немного разобраться в целом ряде хребтов и долин, а затем дальнейшее описание страны даю отдельно, при обзоре каждой народности.

В настоящую первую часть, кроме общего описания поверхности края и кратких заметок о населении русских и монголов-кочевников, вошло описание Осетии и осетин, Абхазии, Дагестана и других народов северного склона.

Автор.

Москва.

КАВКАЗ

Часть I

Северный Кавказ

Содержание. Географическое положение края. Поверхность его. Население. Народы, занимающие северную равнину: русские, калмыки, ногайцы, туркмены, киргизы. Время поселения и занятия их. Осетия: положение, климат, природа, характер местности. Ледниковая область. Краткая история осетин. Одежда, пища, нравы и обычаи, верования, праздники, обряды при похоронах, свадьбах и др. Народные сказания.

Северный Казахстан

На юге России, между двух морей раскинулись на громадное пространство в беспорядке колоссальные каменные массивы, это—Кавказские горы. Словно какие-то гиганты пришли и взбудоражили здесь землю, нагромоздили горы друг на друга, разбросали целые глыбы в разные стороны и оставили только узенькие проходы-ущелья для людей.

Аллах ли там, среди пустыни
Застывших волн, воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль Дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить?[1])

Еще издали, когда подъезжаешь к Кавказу, видишь, как бы остатки пирамид,

Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит...[2])

Это навстречу выступают горы пятигорской группы: Бештау, Машук, Лысая, Змеевка, Верблюд и др. И чем ближе подвигаешься к главному хребту, тем ясней и грандиозней развертывается картина больших гор. На чистом небе вырисовываются

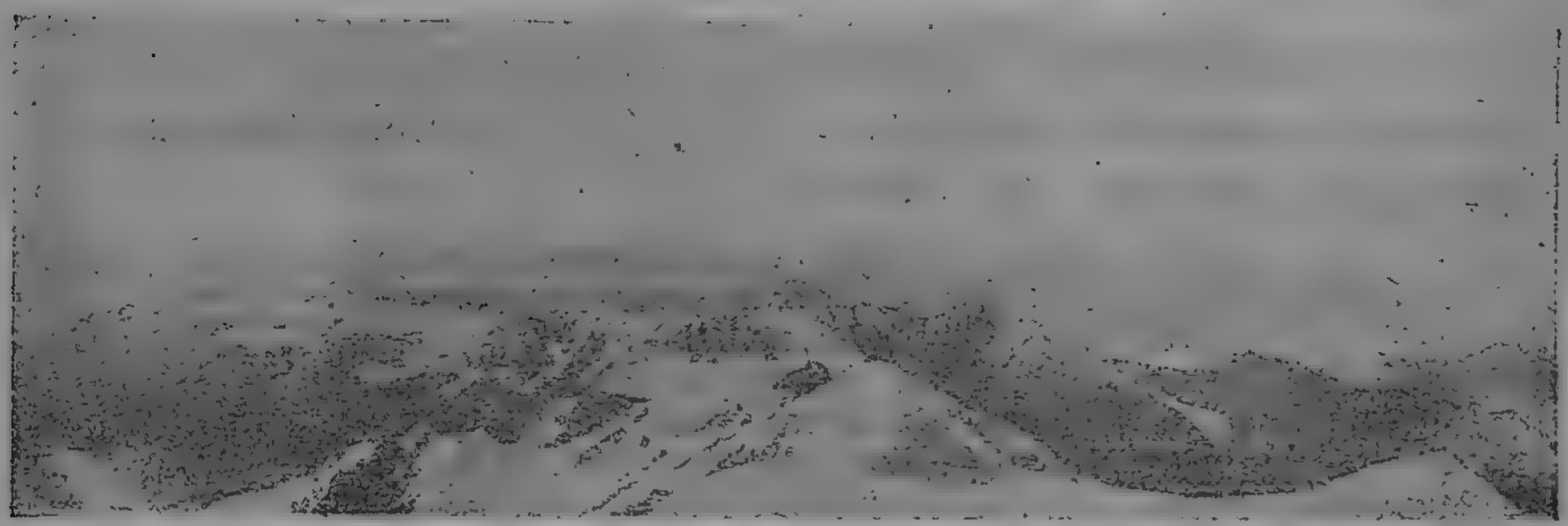
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной...
И между них, прорезав тучи,
Стоит всех выше головой
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчовой...[3])

---

1) Козлов. „Вид гор из степей".
2) Лермонтов. „Измаил-Бей".
3) Лермонтов. „Демон".

При виде всех этих громад какое-то странное чувство возникает в человеке: с одной стороны, страх и ужас, а с другой — непреодолимое влечение в горы. „Пристываешь словно кролик к пасти страшного змея, и, как кролик, все неудержимее, все решительнее стремишься в эту разверстую пасть“...[1])

Человек сознает свое ничтожество и бессилие здесь, перед гигантами, упирающимися в небо, и чувствует какое-то особое влечение отдаться во власть этих ужасных великанов.



Кавказский хребет. Вид с г. Казбека.

Такое впечатление производят горы вообще на человека. Дикарю же, во все времена, древние и нынешние, они вселяли и вселяют какой-то безотчетный страх. Он считает их обиталищем разных духов и невидимых сил.

Древние греки считали Кавказ ареной борьбы между Зевсом, богом зиждителем, и Тифеем—разрушителем. С Кавказа Прометей похитил небесный огонь и там же был прикован к скале. Современный горец убежден, что ковчег Ноя задел за вершину Эльбруса, сделал глубокую борозду, разделив ее на две части, а затем остановился на Арарате; верит, что на Каз-

---

1) Ев. Марков „Очерки Кавказа“.

беке находится шатер Авраама, в котором хранятся все сокровища мира. Не сомневается и в том, что если поднимется вьюга и мятель и начнет гулять по ущельям, то это старый Гуд спускается с горы и обходит свои владения; нависнут ли черные, мрачные тучи над долиной, и разразится гроза с проливным дождем,—это Великий дух гневается на людей. Словом, нет ни одного явления, которого бы не объяснил горец присутствием какой-либо неземной сверхъестественной силы. Он весь находится во власти гор с их грозной природой.

I.

Итак, край этот, в котором человек теряет гордое сознание своей силы, занимает пространство между двумя морями: Черным и Каспийским. На юге он граничит с Персией и Турцией, а на севере сливается с Европейской Россией. Почти по самой середине, от северо-запада к юго-востоку тянется громадный горный хребет, приблизительно на протяжении 1100 верст, и делит Кавказ на три части: Предкавказье, лежащее к северу от хребта до Манычской впадины, собственно Кавказ, обнимающий всю площадь, занятую хребтом и его отрогами, и наконец Закавказье—на юг от хребта до границы Персии и Турции.

Предкавказье представляет собою ровные, слегка волнистые пространства, которые на западе состоят из плодородных степей, а на северо-востоке—из сухих, преимущественно песчаных и местами совершенно безводных обширных пустырей. Собственно Кавказ составляет Главный хребет. Последний начинается у г. Анапы, на Черном море, небольшими горами и тянется на юго-восток к Каспийскому морю. У горы Оштен (9538 ф.) он достигает значительной высоты и отсюда вплоть до горы Барбало (10807 ф.) поднимается выше

линии вечных снегов, неся на себе самые высокие вершины Кавказских гор. Таковы возвышающийся отдельным выступом впереди Главного хребта Эльбрус, „колосс двуглавый в ледяном венце“ (18671 ф.), Коштан-тау (16925 ф.), Дых-тау (17096 ф.), Казбек, увитый „чалмою белою от века“ (16546 ф.), Тебулосмта (14775 ф.) и многие другие. С этих вершин спускаются и самые значительные ледники всего Кавказа. Наибольшей высоты хребет достигает между Эльбрусом и Казбеком.

От горы Барбало до горы Баба-Даг (11934 ф.) Главный хребет составляет южную границу так называемой Дагестанской горной страны, которую с северо-запада ограничивает Андийская цепь гор, а с северо-востока Ануйская. Последние две горные цепи соединяются на севере и вместе с Главным хребтом образуют треугольник, заполненный горными цепями, плоскогориями и котловинами.

От горы Баба-Даг Главный хребет значительно понижается и достигает Каспийского моря у Апшеронского полуострова.

Кавказский хребет не представляет одного нераздельного гребня; он расчленяется на несколько продольных отрогов, которые связаны между собою горными узлами. Благодаря этому и ширина его не одинакова: так около морей Черного и Каспийского она достигает 40—80 вер., в середине, около Казбека,— 60—90 вер., в Дагестане—140—200 в. К северу Главный хребет постепенно понижается и переходит в холмы, которые сливаются с низменностями Предкавказья, к югу же он круто обрывается и образует с боковыми цепями гор глубокие ущелья и долины.

Представляя собою громадный массив, не имеющий длинных поперечных долин, Кавказский хребет не отличается удобопроходимостью; за исключением двух-трех перевалов, из которых самый низкий на высоте

7977 ф. (Крестовский), через горы лежат узкие пешеходные тропинки, пользоваться которыми не всегда бывает можно.

Закавказье состоит из горной страны Малого Кавказа, соединенной с Главным хребтом Сурамскими или Месхийскими горами, и нескольких низменностей. Горы Малого Кавказа занимают пространство между долинами рек: Риона, Куры, Аракса, Чороха и представляют собою целый ряд плоскогорий, окруженных горными цепями. Главная цепь этих гор тянется на севере страны, от Черного моря почти вплоть до Тифлиса. Живописным Боржомским ущельем она делится на две части: одна из них, к западу от ущелья носит название Ахалцихских и Аджарских гор; другая же—к востоку—Триалетских или Арджеванских гор. К югу от Аджарских гор спускается Арсиянский хребет, который своими отрогами заполняет все пространство к западу, вплоть до берегов Черного моря. На левой стороне р. Аракса раскинулся Алагез (13454 ф.), на противоположной правой—Арарат (16918 ф.). Пространство между р.р. Араксом и Курою занято плоскогориями, из которых западное носит название Ардагано-Карского, а восточное Карабахского. Среди этих плоскогорий лежит на высоте почти 6000 ф. обширное озеро Гокча.

К западу от Сурамского перевала расстилается одна из самых роскошнейших долин Кавказа—Рионская, а к востоку—долина реки Куры. Последняя в большей своей части страдает безводием и представляет безжизненные пустынные степи, оживающие только осенью и весной; таковы: Караязы, Ширака и Муганская. Исключение составляют долины притоков Куры, рек Ляхвы, Ксани, Алазани, Иоры (Карталиния и Кахетия) и устье, занятое Ленкоранской низменностью.

Вот в общем виде поверхность Кавказского края. Среди этих высоких горных хребтов, на плоскогориях

и в глубоких ущельях, всюду, где возможна мало-мальски жизнь человека, на голых скалах и в долинах с роскошной, почти тропической растительностью, живет на пространстве почти $8^1/_2$ тысяч кв. миль около $9^1/_4$ мил. [1]) разноплеменного люда.

С древних времен обширные прикаспийские и черноморские степи заселялись народами, шедшими целыми ордами из Азии, через Урал и Волгу. Каждый раз при нашествии нового полчища прежнее отступало на запад или же подавалось на юг к Кавказу. Попав среди двух морей и имея сзади врага, а спереди каменную стену гор, каждый из этих народов поселялся в каком-либо ущелье или долине. Здесь он продолжал жить своею прежней жизнью, не смешиваясь с другими, сохраняя нравы, обычаи и верования тех стран, откуда занесла его волна человечества. Таким образом гунны, аварцы, алане, хозары, мадьяры, болгары, печенеги, половцы, татары и друг., сменяя друг друга, оставляли своих соплеменников в глубоких ущельях Северного Кавказа.

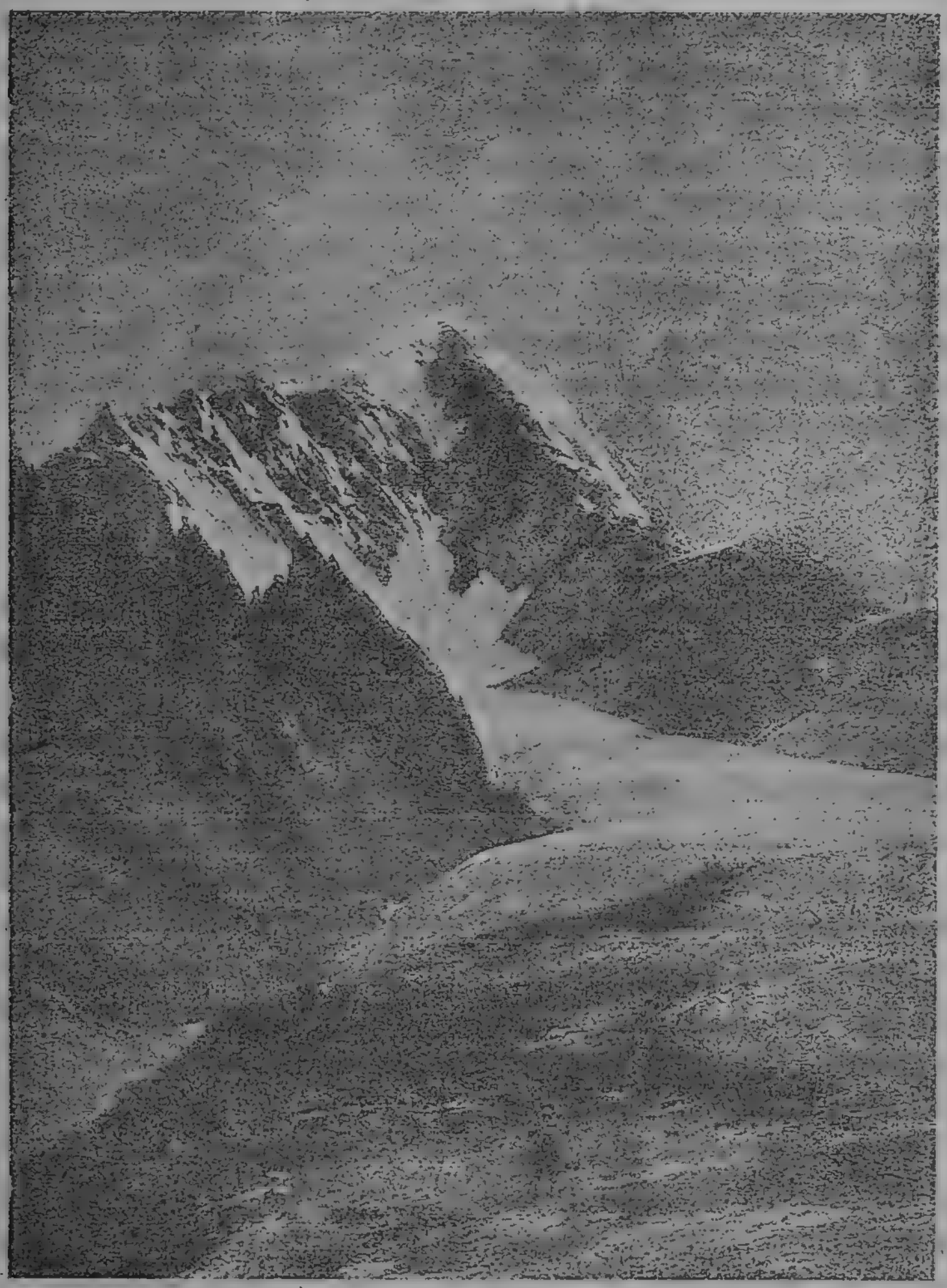
Южный Кавказ с самых древних веков, за несколько еще лет до Р. Х., был населен армянами и грузинами. Позднее многие народы Азии и Европы, привлекаемые богатством страны и ее выгодным положением между двумя частями света, постоянно наводняли Закавказье и стремились внести свою цивилизацию среди диких горцев. Греки, арабы, римляне и византийцы, персы и турки одни за другими прививали им свою религию, нравы, образованность.

Народов, населяющих Кавказ, прежде считали до 300, теперь же при ближайшем знакомстве с языками, на которых они говорят, их насчитывают до 40—45. По численности первое место занимают русские, около 3-х

---

[1]) По переписи 1897 г. 9. 248.695. П. И. Надеждин. „Кавказский край". „Природа и люди". Тула. 1901.

мил., живущие главным образом в Предкавказье и городах всего Кавказа; затем монгольские народы:



Тебулос-мта, вершина Восточного Кавказа.

татары, турки в Закавказье и ногайцы, калмыки в прикаспийских степях, около 2-х мил,, из них 1,668,000 ч.

одних татар; потом идут иранские народы: живущие в центре хребта осетины, в юго-восточном угле Кавказа—таты, талышинцы, персы и в Закавказье армяне с курдами—1.475.000 чел.; из них армян около 1 мил. Грузинские или картавельские народы составляют население свыше 1.200.000 ч. Они населяют бассейн р. Риона, верхнее и среднее течение Куры; восточно-горские племена: лезгины, чеченцы, обитающие в восточной части Северного Кавказа и Дагестане,—около 920.000 ч.; западно-горские народы, абхазцы и черкесы, населяющие западную часть Северного Кавказа,—свыше 258.000 чел. Остальное население составляют различные мелкие народности.

II.

Русское население состоит большей частью из казаков. Они начали селиться еще со времен Иоанна Грозного (терские и гребенские), но получили более правильную организацию на полки в царствование Екатерины II, когда Предкавказье служило южной границей империи и нуждалось в постоянной охране. В это же царствование были поселены казаки из Запорожья (черноморцы) и с Дона (кубанские). После совершенного покорения Кавказа между казаками расселены были и мирные переселенцы из разных губерний России, принесшие с собой весь склад жизни русского крестьянина.

Они занимают обширную Ставропольско-Азовскую низменность с черноземной почвой, богато орошенную множеством речек. Благодаря западным ветрам, дующим в течение всего лета, местность эта имеет довольно влажный климат и принадлежит к числу самых дождливых на Северном Кавказе. Обилие влаги и черноземная почва, вместе с теплотой климата (средняя годовая $+10^0$ Ц.), весьма благоприятствуют

развитию земледелия, которое ведется здесь в обширных размерах. Насколько, однако, эти условия полезны для хлебных злаков, настолько же они вредны для здоровья человека. Злокачественные лихорадки являются бичем для населения и с особенной силой свирепствуют по берегам рек и морей. По количеству собираемого хлеба край этот служит житницей, так как только одна Кубанская область в урожайные годы дает до $11^1/_2$ мил. четвертей, из которых около 7 мил. может быть вывезено. Сеют пшеницу, а затем рожь, овес, ячмень и др.

Помимо хлебопашества, население занимается разведением винограда (преимущественно в Ставропольской губ. и Терской обл.) и приготовлением вина. По берегам рек и главным образом в их устьях казаки занимаются рыболовством. Кроме земледелия, обширные степные пространства позволяют в больших размерах разводить рогатый скот, овец и лошадей.

По мере удаления от Черного и Азовского морей характер местности заметно изменяется: почва становится суше, зелень—сильней в низменных местах, голее и бледней на возвышенностях. Наконец, ближе к Каспийскому морю начинают встречаться пески и обширные, пустынные, безводные пространства, поросшие сухой и редкой травой. Это—Прикаспийские степи. Здесь уж трудно заниматься земледелием и вести оседлую жизнь, а потому население и состоит большею частию из кочевников: калмыков, киргизов, ногайцев, которые странствуют по степям со своими стадами верблюдов, овец и лошадей.

Калмыки пришли из Монголии и заняли кочевьями в 1630 г. приволжские степи, подчинив своей власти туркмен, ногайцев и другие народы. Сначала они составляли ханство, но в 1771 г. ханство их было уничтожено, а весь калмыцкий народ разделен на 7

улусов [1]). Управление улусами поручено было найонам, потомкам ханских родов, простой же народ отдан им в полное рабство. Только указ 15 марта 1892 г. избавил калмыков от тяжелого ига найонов.

Тяжелое, хотя и непродолжительное, рабство превратило калмыка-простолюдина в нищего. Его кибитка—сплошная куча черного и серо-грязного тряпья. Зимой в ней холодно и грязно; дым от очага, не успевая проходить в единственное вверху отверстие, ест глаза, благодаря чему большинство калмыков страдают глазными болезнями. Голые детишки зарываются в потухшую золу очага и сидят в ней, прикрывшись невыделанными вонючими овчинами. Посуда, одежда и сам калмык, это—сплошная грязь, мерзкая, вонючая с массою человеческих паразитов, которых калмык не уничтожает, считая их душою своего умершего родича. Единственно, что чисто содержится, это—седло, плеть, нож и сапоги.

В пище они крайне неразборчивы, едят все, до падали включительно. Пьянство и игра в карты много вредят и без того уже нищенскому состоянию калмыков. Любимым времяпрепровождением у них считаются скачки, борьба и хлестание друг друга ногайками. Танцы их вялы и неуклюжи, музыка же и пение, это—унылое однообразие, вопль души, подавленной страхом, горем и нуждой. Исповедуют калмыки одну из сект буддийского вероисповедания—ламаизм, так называемую «шара-улани шаджик», т.-е. желто-красную. Поэтому-то калмыцкое духовенство и носит желтые с красным цветом одежды.

Ногайцы поселились на Кавказе со времен основания Золотой орды и во времена ее могущества держали в своей власти все горские племена Север-

---

[1]) Совокупность родов; так Больше-Дербетский улус, входящий в Ставропольскую губ., состоит из 15 родов.

6194

ного Кавказа. В XIV в. кабардинцы отняли у них страну, известную под именем Большой Кабарды, и разделили их таким образом на части. Южная часть, расселившаяся по верховьям р. Кубани, Баксана, Чегема и Черека, стала носить название горных татар (карачаевцы, урусбиевцы, чегемцы, балкарцы и др.); северная же, большая часть сохранила свое название ногайцев и сосредоточилась в восточной части Ставропольской губ., Терской и Кубанской областях. По образу жизни ногайцы преимущественно кочевники, хотя некоторые из них ведут и оседлую жизнь.

Женщины Карачаевки.

Оседлые живут в саклях, которые представляют собой грязные, вонючие лачуги; кочевые же—в войлочных кибитках. Кибиточное ногайское селение называется «кун». Оно состоит из нескольких групп кибиток - юртов, расположенных одна от другой на расстоянии версты и больше. В каждой группе насчитывается от 40 до 60 кибиток, которые располагаются кольцом. В середину этого кольца загоняется на ночь весь скот юрта и находится половина кибиток, в которых живет семья кочевника. Кибитки же, составляющие кольцо, предназначаются для гостей и старших в семействе.

Ногайцы хотя и занимаются земледелием, но ведется оно у них крайне плохо, так что хлеб им постоянно приходится покупать. Главный же их источ-

531516
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ник существования—скотоводство—значительно упадает, а потому жизнь ногайца весьма неприглядна. Он плохо ест, плохо одевается и живет в плохом ободранном жилище. Просяная лепешка с двумя-тремя чашками скверного калмыцкого чая да кусок овечьего сыра—вот вся незатейливая пища ногайца.

Плохо питаясь и мало работая, ногаец апатично смотрит на все окружающее.

Жизнь ногайского юрта скучна и монотонна. Ни песен, ни пляски, ни игр почти никогда не услышишь. Жители юрта, не занятые пастьбой, сидят в кибитках вокруг тлеющего кизяка [1]), при чем сонливо ведут пустые разговоры, а летом они располагаются возле дверей кибиток и механически отмахиваются от комаров и мошек какой-нибудь грязной тряпкой. Женщина-ногайка не так апатична, как мужчина. На ее обязанности лежит вся домашняя работа, и она целый день занята то стряпней, то уходом за скотиной, то шитьем одежды, то приготовлением войлоков для кибитки, так что скучать или предаваться унынию ей не приходится. В умственном отношении ногайцы стоят на весьма низкой ступени развития. Религию исповедуют магометанскую.

Трухмены или туркмены кочуют между нижним течением р. Калауса и Кумы. Они переселились вместе с калмыками, которые вывели их из Закаспийских степей в первой половине XVI века. В 1790 г. к ним присоединилось несколько семейств киргизов, с которыми они теперь и кочуют по обширным степям Ставропольской губернии.

III.

Осетины занимают середину Главного хребта. С северной стороны по верхнему течению р. Терека и его при-

---

[1]) Кизяк—высушенный на солнце навоз.

токам Ардону, Фиаг-дону, Гизель-дону и Уруху; с южной же—по Большой и Малой Лиахве, притокам р. Куры.

Местность, по которой расположились осетинские аулы, в высшей степени гориста. Она изрезана множеством глубоких долин и ущелий, по которым мчатся бешеные речки, скача и прыгая по тесному, заваленному громадными каменными глыбами руслу. Благодаря обилию рек и ручьев, а также большому количеству выпадающих осадков, долины этих рек покрыты роскошною растительностью. На ряду с обычными деревами средней полосы России, здесь в изобилии растет бук, леса которого очаровательны. Громадные деревья в два-три обхвата толщиною, совершенно лишенные ветвей до высоты 25—30 арш. от земли, образуют роскошный зеленый шатер над головой; ни кустарников, ни мелких деревьев почти нет, бархатный ковер из мха покрывает почву. Кое-где валяются громадные гниющие трупы великанов, быть может поваленные бурей, а быть может, просто дожившие свой век и упавшие на родную землю, уступив свое место другим. Этот лес наполнен какими-то особенными звуками: ни шелеста ветра, ни пения птиц, как в наших лесах, не слышно; до уха доносится отдаленный шум горных потоков, приятный как музыка, да мерные удары дятла, который, вторя этому шуму, стучит по дереву своим носом. Порой пронзительное чириканье крошечной желтоватой пеночки пронижет воздух и на время заглушит все звуки, а затем опять все смолкнет, и только отдаленный, не прерывающийся мелодичный рокот горных ручьев ласкает ухо.

Все безмолвно, лишь где-то вдали
Грохотанье какое-то слышится,
Шум глухой, точно в недрах земли.
То потоки гремят водопадами,
Низвергаясь с отвесных стремнин;
То ручей, окруженный громадами
Голых скал, рвется в лоно долин. [1])

---

[1]) Д. Л. Михайловская. „В горах".

По мере подъема по таким долинам природа становится красивей, величественней, но и грозней. Долина суживается в темное ущелье, сдавленное отвесными скалами; в глубине по дну его, пенясь и беснуясь, прыгая с камня на камень, мчится горная речка; она разбивает свои воды о выступы скал на мелкие брызги и образует столб серого тумана, который медленно поднимается со дна пропасти и тянется

Горная река (Ацгара).

вверх. Дорога переходит в узкую, наподобие карниза, горную тропу, на которой с трудом могут разъехаться только два всадника. Растительность становится хотя и менее богатой, но зато удивительной свежести; словно только что выросли эти травы и кустарники, цепляющиеся своими корнями за голые скалы. Вокруг ничего не слышно, кроме рева и грохота реки, ворочающей обломки скал. Делается жутко, душа леденеет, и человека охватывает какой-то безотчетный страх.

Кажется, что силы природы вступили в борьбу и что одна из них, взявши верх над другой, хочет все сокрушить кругом.

Климат здесь суровый. Зимой едва только солнце покажется из-за гор, как погружается в багровый туман—предвестник сильной стужи. Мятели и вьюги свирепствуют в течение 9 месяцев. Осень ужасна, и самая весна принимает вид мрачной осени, потому что, куда ни обратишь взор,—везде встречаешь одни льдины, покрывающие вершины черных скал, и вся окрестность занесена сугробами глубокого снега [1]). Лето продолжается около трех месяцев и так коротко, что хлеб не успевает вызревать.

В этой-то местности, дикой и неприветливой, и живет большинство осетин. Выше осетинских аулов природа уж совсем безлюдна и безжизненна. Повсюду снежные вершины, подъем на которые очень крут и затруднителен. Зеленые кусты и травы сменяются мхами и лишайниками, покрывающими скалы. За этой последней растительностью начинается снег, меж которого на открытых местах встречаются хорошенькие цветочки примулы, оживляющие местность. Это последние проблески жизни; дальше же, блестя на солнце своей ледяной поверхностью, спускаются громадные ледники, словно омертвевшие, заснувшие реки в сказочном царстве.

В течение долгой зимы вьюги и мятели навевают здесь громадные сугробы снега и заваливают глубокие ущелья. С наступлением лета солнце своими горячими лучами стремится растаять весь этот снег; однако ему не под силу в короткое лето растопить его, наступает вновь зима, и новые сугробы приносятся мятелями. Новый снег своей тяжестью давит на старый и превращает его в лед. Эти скопления

---

[1]) Дубровин. Истор. войны и владычества русских на Кавказе.

льда в несколько миллионов пудов по узким и крутым ущельям медленно сползают вниз, образуя местами красивые ледопады (скорость движения льда— несколько сот футов в год). По пути ледники захватывают громадные камни и тащат их вместе с собой, оставляя глубокие борозды на дне и с боков ущелья. По дороге все эти камни вместе с обломками скал и песком или сваливаются на край ледника в виде каменной гряды, носящей название боковой морены, или же уносятся вниз и там, где уж ледник растаивает, образуют другую морену — конечную. Тысячи ручейков, маленьких и больших, как черви точат ледник. Они текут и на его поверхности, и внутри в многочисленных трещинах, и по дну, медленно, но настойчиво разрушая его. Вместе с солнцем они достигают своей цели. Громадные ледяные глыбы-столбы с грохотом, похожим на раскаты грома, падают вниз и увлекают на своем пути другие; происходит целая канонада, утихающая только тогда, когда камни и льдины свалятся вниз или же застрянут в какой-либо трещине ледника. Иногда, хотя к счастью и редко, не только отдельные ледяные глыбы, но и значительные части ледника обваливаются и производят громадные опустошения. Так Девдоракский ледник, спускающийся с Казбека, в 1832 году свалился в Дарьяльское ущелье

Ледниковая трещина в профиль.

и загородил на протяжении более 2-х верст Терек, остановив течение его на 8 часов. Свалившаяся масса льда имела приблизительно 40 саж. в высоту и столько же в ширину и представляла объем более 1,600,000 куб. саж. Лед, с силою ударившись о скалистый берег Терека, уплотнился настолько, что при прокладывании дороги его во многих местах приходилось рвать порохом. Этот завал стаял совершенно только через пять лет после своего падения.

Многочисленные ручьи, текущие по леднику, соединяются в конце его вместе и образуют речку, которая вырывается из ледяных оков и бешено несется в долину. Обыкновенно, вытекая из-под льда, она вымывает в нем грот. Посещать такие гроты не безопасно, так как ледяные глыбы внутри его то и дело отрываются и могут ежеминутно придавить. Вот как описывает такой грот один из путешественников: бока и потолок грота состояли из прозрачного, необыкновенно красивого, сине-зеленого льда, а пол—из камней, перемешанных со щебнем и песком. С ледяных сводов всюду капала вода такими большими каплями, которые напоминали очень крупный редкий дождь, предшествующий обыкновенно сильному ливню. По самой средине грота текла довольно быстро порядочная речка. Шум этой речки, которая целые версты протекает под толщею льда, раздавался как-то глухо и производил не особенно приятное впечатление на нервы... В глубину грот становился все ниже и ниже, пока наконец не превратился в совершенно низкий, почти темный коридор, делавший массу извилин [1]).

Путешествие к области ледников и вечных снегов представляет значительные трудности. Поверхность ледника обыкновенно бывает сильно взрытой и скользкой: масса камней, многочисленные глубокие тре-

---

[1]) Н. Я. Динник. „Поездка в Балкарию".

щины и высокие ледяные столбы мешают ходьбе. На снежных же или фирновых[1]) полях снег зачастую бывает очень слаб, так что итти приходится по колено в сугробах, ежеминутно рискуя провалиться в глубокие, предательски прикрытые трещины. Трудность пути увеличивается еще тем, что солнце немилосердно жжет, и приходится тщательно закрывать лицо и руки, чтобы не получить сильных ожогов, так как на высоте 10—11 тысяч фут. лучи мало задерживаются разреженным воздухом и сильно обжигают кожу. Туземцы для предохранения себя от солнца обыкновенно намазывают нос и щеки растертым мокрым порохом. Часто жгучее солнце сменяется туманами, пронизывающими насквозь, начинается дождь, а иногда и снег; в воздухе становится холоднее.

Голова тура.

Помимо таких внешних препятствий у некоторых открывается горная болезнь: наступает головокружение, тошнота, сильное сердцебиение, кровеносные сосуды лопаются, и из носу начинает итти кровь, силы упадают; человека охватывает уныние и даже отчаяние. Но если путник, претерпев все эти мучения и трудности, попадет на какую-нибудь крупную вершину или перевал, то перед ним откроются такие чудные панорамы, что он забудет о

---

[1]) Фирн—зернистый снег; снег, переходящий в лед.

всех только что пережитых лишениях и в немом восторге залюбуется дивной картиной.

Вблизи кругом холодная, суровая и пустынная природа, а дальше, насколько может видеть глаз, раскинется пространство, пересеченное в разных направлениях высокими хребтами с вечными снегами и ледниками; роскошные долины и узкие ущелья, извивающиеся между каменных громад, будут лежать под ногами. Какое-то особое наслаждение получает человек здесь в заоблачной стране, где не слышно ни людских голосов, ни шума воды, ни пения птиц, где вечно царствует мертвая тишина, нарушаемая только завыванием вьюг да раскатами грома при разражающихся грозах.

„Что испытывала я, достигнув вершины, описать трудно. Долго стояла, как очарованная, и все окружающее казалось мне каким-то дивным волшебным сном. Подо мной к западу тянулась цепь снежных великанов, на север за толпой скалистых гор расстилалась бесконечная равнина, а на юге и востоке горы были покрыты волнистыми облаками, скрывавшими от меня ст. Казбек“ [1]).

... Иди к и чуден был вокруг
Весь Божий мир...

IV.

Предки осетин, под названием осов (у грузин), ясов (у русских), алан (у византийцев), пришли из Азии через Урал и поселились в черноморских степях, около Азовского моря, вплоть до нижнего течения р. Дона. В первой половине средних веков вновь прибывшие из Азии тюркские племена оттеснили на юг ясов к верховьям р. Кубани и среднему течению р.

---

[1]) М. Преображенская. „Восхождение на вершину Казбек“.

Терека. Живя здесь, алане промышляли исключительно грабежами и набегами, или в качестве воинов нанимались на службу к армянам, грузинам, византийцам, персам, хозарам. В начале XI в. ясы образовали довольно сильное государство под властью одного из князей, Ордура, и были в родстве с царями Грузии, Абхазии, Византии и с русскими князьями (Всеволод III Большое Гнездо был женат на ясыне Марии). Величие и блеск осетинского царства продолжались недолго. Междоусобицы и кровавая месть сгубили его. В XIII в. появился Чингиз-хан в Закавказье; он взял Тифлис, затем двинулся к Дарьялу и заставил осетин покориться и платить дань. В XIV веке из Крыма пришли кабардинцы и поселились в низовьях р. Кубани. Сначала осетины и кабардинцы жили дружно, но потом осетинские князья стали вмешиваться во внутренние дела и усобицы кабардинцев, и мир их нарушился. Завязалась ожесточенная кровопролитная война, которая затянулась на целые столетия и пагубно отразилась на осетинском народе.

Распространившееся среди кабардинцев учение Магомета еще более создало ненависть к осетинам-христианам. Осетины же, ослабленные еще до войны с кабардинцами войною с грузинскими князьями и внутренними раздорами, гордые, не признававшие никакой власти, не могли сплотиться и отразить врага. Они терпели поражение за поражением и удалялись все дальше и дальше в горы. Наконец, ущелья так плотно заселились, что новым поселенцам не хватало места. Недостаток в плодородной почве и суровые климатические условия заставляли голодать осетин. Роскошные и величественные горные ущелья Осетии превратились в мрачные каменные темницы, где народ стонал от голода, отцы и матери убивали своих детей, чтобы не дать им погибнуть мучительной

смертью. С этого времени убийство и выкидывание детей сделалось народным обычаем.

Многие осетины стали переходить в магометанство, и разность веры породила еще большую распрю между отдельными семьями. Появившиеся во множестве абреки (отверженцы из общин) производили грабежи и разбои, не щадя никого, даже своих близких родственников. Некогда могучий и многочисленный народ,

Заросли рододендра.

осетины беднели, дичали, уменьшались численно и, быть может, совсем бы вымерли, если бы не русские, которые освободили их от карбадинского ига и дали возможность выйти из ущелий на равнину. С тех пор осетины вновь оправились, заметно стало расти их благосостояние, и между ними встречаются люди, получившие высшее образование.

Смуглые, черноволосые, среднего роста, широкоплечие, осетины очень красивы. С широким и прямым лбом, с прямым, хотя и довольно большим носом, черными глазами и небольшим ртом с тонкими губами, они производят приятное впечатление. По своим внутренним качествам осетины не одинаковы. Так дигорец [1]), выросший среди суровой природы, отличается неустрашимостью; он очень неглуп, опрятен, трудолюбив и честен, но зато упрям, скрытен и мстителен. Алагирец, наоборот, вял, неповоротлив, своенравен, добр; тагаурец сдержан и скрытен, а самый откровенный, бесхитростный и честный это—курталинец.

Хотя народ осетинский и делится на дворян и вольных людей, но сам по себе он глубоко демократичен и не признает неравенства сословий. Самый простой осетин не считает себя ниже первого своего алдара (дворянина), хотя в силу обстоятельств он и может над собой признать его власть. Не звание и чин вызывают в нем чувство уважения, а возраст. Старику и его „седой бороде“—всюду первое место.

На равнине осетины живут в таких же белых мазанках, как и русские поселенцы, в горах же их сакли лепятся на высоких отвесных скалах, в ущельях и лощинах, составляя аулы. Издали трудно отличить эти аулы от окружающих скал. Только ряд темных дыр да вьющийся дымок обнаруживают жилье. Сакли они строят из камней, накладывая один на другой, без всякого цемента или глины. Состоят эти камен-

---

[1]) Дигорское общество живет в западной Осетии по р. Уруху, Алагирское—по р. Ардону и его притокам, Куртатинское—по р. Фиаг-дону и его притокам и Тагаурское—по левому берегу р. Терека и в ущельях р. Гизель-дона с его притоками.

ные хижины из одного и из двух этажей—комнат. При двух этажах нижний отводится для скота, а верхний—для собственного жилья. Иногда имеется и третий этаж—„кунацкая“, т.-е. комната для гостей, но чаще она строится отдельно у ворот. Возвышающаяся рядом с саклей высокая башня вместе с обнесенной кругом каменной оградой делает жилище осетина крепостью, в которой он имел раньше прочную защиту от своих врагов.

Главная комната в сакле осетина, это—„хадзар“; она представляет собою и кухню и столовую вместе. Посреди ее между двумя камнями помещается очаг, а над ним на железной цепи висит чугунный котел; это—самое священное место в доме осетина. Приблизившийся к очагу и прикоснувшийся к „рахису“—цепи—становится близким семье, хотя бы раньше и был смертельным врагом; унести или выбросить цепь, значит нанести обиду, за которое полагается кровомщение. Всякое прикосновение к ней домашних, в том числе и детей, без надобности считается святотатством. Над очагом в потолке проделано отверстие для дыма. Окна хотя и имеются, но представляют собою ничем не загороженные отверстия. Мебель состоит из деревянных скамеек и стола. По правую сторону очага стоят скамьи со спинками, украшенные красивой резьбой,—для мужчин, по левую—попроще—для женщин. Для старца же, отца семейства, полагается особое кресло. Круглый стол на трех ножках носит название „финк“ и пользуется у осетин таким же благоговейным уважением, как и цепь с очагом. Остальную обстановку сакли составляют стоящие в углах кадки с съестными припасами, бурдюки с вином, железные вертела и пр.; на полках расставлена посуда: кубки, кувшины, а по стенам развешаны оружие, бурки, башлыки.

Из главной комнаты идет дверь в кладовую „кабиц“, которая считается местопребыванием домового

„Сафы“. Помещение это находится в исключительном заведывании хозяйки. Всюду и везде в жилище осетина—пыль, грязь и беспорядок. Маленькие боковые сакли „уат“ служат спальнями для членов семьи и строятся отдельно. По мере разрастания семьи пристраиваются новые сакли, так что, чем больше пристроенных и надстроенных саклей в ауле, тем древнее аул.

VI.

Одежду носят осетины общекавказскую, заимствованную у кабардинцев. Состоит она у мужчин из рубахи и шаровар, суконных или холщевых: поверх

Карачаевский кош.

этого надевают с высоким закрытым воротом бешмет, плотно облегающий стан и застегивающийся на крючках посредине, и наконец черкеску с открытым боль-

шим вырезом на груди. По бокам выреза сделаны места для „газырей“, т.-е. ружейных патронов. В ненастную погоду они надевают бурку; зимой ходят в меховых бараньих шапках, а летом—в белых войлочных шляпах. С башлыком почти никогда на расстаются. На ногах носят сафьяновые или суконные „чевяки“ [1]), сверх которых в дорогу надевают короткие башмаки с толстой подошвой; для ходьбы по скалам надевают „арчи“, т.-е. лапти из сыромятной кожи, у которых подошва сделана переплетом, в виде решетки из тонких ремней; внутрь „арчей“ кладется сухая горная трава. Такая обувь легка, покойна и очень цепка. Дополнением к костюму осетина у некоторых служит кинжал, привешенный к поясу, и—прежде еще—пистолет, шашка и ружье. Теперь русское правительство, постепенно обезоруживая население, разрешает носить их только более надежным жителям.

Цвет мужской одежды темный: ярких цветов осетины не любят носить, как не любят и разных побрякушек, украшений, считая их принадлежностью женщин и детей. Женский костюм действительно шьется большею частию из синих, голубых и красных материй. Состоит он из длинной рубахи до пят, ситцевых или нанковых шаровар и полукафтаньев с узким вырезом на груди. На голове замужние, имеющие детей, носят „нарбан“, род платка, который покрывает голову, а остальные женщины—разного рода шапочки. Снять с головы насильно „нарбан“ значит смертельно оскорбить и унизить женщину и весь ее род. Если осетинка умоляет кого-нибудь и не находит слов, то сбрасывает к ногам непреклонного с головы платок. Это указывает на высшую степень мольбы—на самоунижение. Девушки постоянно и днем и ночью носят особые корсеты, которые не снимаются до замужества.

---

[1]) Мягкие сапоги без твердой подошвы и каблука.

Украшают они себя бусами, ожерельями, серьгами и браслетами.

Богатые осетины ничем не отличаются в одежде от бедных. Парадные одежды надеваются только в исключительных случаях: в праздники или при знатных гостях. Дети ходят зачастую голыми. Вообще же осетины очень неряшливы, платье носят до тех пор, пока не свалится с плеч, баня им неизвестна, а купаются они очень редко.

Любимым кушаньем у осетин считается „хабидежин“ — пирожки с сыром и „дзикка“ — сыр, накрошенный и сваренный в масле. Сыр овечий вообще является самым любимым национальным кушаньем. Соль подается разведенная в воде с чесноком. Помимо того чеснок, а также лук, редька, черемша, красный перец составляют лакомые блюда. Строго определенного времени для еды нет; едят во всякое время дня, порознь и где придется, но при этом всегда соблюдается такой порядок: сначала поедят старшие, а потом младшие члены семьи. Перед едой прочитывается несколько молитв; никаких непристойных разговоров за столом не полагается. Едят они очень мало. Обжорство считается большим пороком, малейший намек на страдание голодом — высшим бесстыдством. Словом, осетины воздержаны и выносливы. Самым любимым напитком у них служит „арака“ (просяная плохо очищенная водка); пьют также пиво, бузу [1]) и квас.

VII.

Гостеприимство у осетин, как и вообще у всех горцев Кавказа, — священный обычай. Всякий успевший сказать хозяину дома: „аз да вазаг“, т.-е. я твой

---

[1]) Буза — напиток, приготовленный из печеного хлеба с прибавлением ячменного солода.

гость, принимается по-братски, хотя бы и был врагом семьи. Гостя сажают на почетное место, и хозяин не спрашивает его, хочет ли он есть, так как это признак скупости, а угощает всем, что есть в доме, и сам прислуживает ему, Садиться и есть при госте считается неприличным. При отъезде гостя хозяин провожает его далеко за свой аул, иногда даже до следующаго гостеприимного крова, а в случае нападения защищает его с опасностью для своей жизни. Обида, нанесенная гостю, или убийство его вызывает со стороны хозяина мщение, как за своего ближайшего родственника.

Если гостеприимство составляет одно из лучших качеств осетина, то другой обычай—обычай кровавой мести—свидетельствует о диких нравах этого народа.

Кровь убитого и не отомщенного, по верованию горцев, вопиет в загробном мире о мести за лишение жизни и общения с родными. Осетин, отомстивший убийце за смерть своего родственника, спешит на его могилу, прикладывается к ней и произносит: „Будь спокоен, я отомстил за твою смерть“. Часто месть заменяется денежным взысканием, так называемым „кан-алган“, т.-е. платой за кровь; размер платы накладывается, смотря по состоянию. Реже же обрядом, носящим название „фалдисандзинад“. Состоит он в следующем: убийцу приводят к могиле убитого, и один из родственников посвящает его с разными церемониями умершему. Название „фалдыст“ переходит на всю фамилию убийцы. Унизительней и постыднее этого прозвища в Осетии нет. С этим названием он теряет свое „я“, свое человеческое достоинство и право; среди окружающих он не считается больше человеком и уже принадлежит не себе, а убитому им человеку, который в будущем мире будет нескончаемо помыкать им, как своим холопом. Только таким самоунижением и наложением на себя и на весь свой

род неизгладимого пятна убийца может прекратить неумолимое мщение. Для гордого и самолюбивого горца такое унижение бывает сильнее всякой мучительной казни; а потому он предпочитает быть пристреленным, чем влачить такую ужасную жизнь.

Главное занятие осетин составляет земледелие и скотоводство. Земледелие ведется не весьма успешно благодаря суровому климату, каменистой почве, снежным и каменным обвалам и наводнениям. Сеют ячмень, реже пшеницу, овес и сажают картофель. Главный предмет скотоводства составляют овцы. Помимо того мужчины охотятся на туров, которых много водится в горах Осетии.

Домашний строй жизни осетина носит черты глубокой патриархальности. Власть родителя над детьми велика и не кончается даже тогда, когда они достигают совершеннолетия. Взрослые сыновья не имеют права сидеть в присутствии отца. Отец ни за что не возьмет на руки своего ребенка и не приласкает его в присутствии других, а особенно матери. При сватовстве вести разговор о невесте, об ея наружности, здоровьи и проч. осетин считает оскорблением для себя, точно так же он сочтет себя оскорбленным, если его спросят о здоровьи жены. Муж считает позором, если его встретят вдвоем с женой; при посторонних он с ней не разговаривает. Жена не имеет права называть мужа по имени, даже при детях, а говорит: „господин“. Встречи с родственниками мужа она должна избегать. Словом, на каждом шагу осетин показывает женщине презрение и власть, но при всей суровости в обращении он никогда не позволит грубых выходок или насилий над ней.

Рождение девочки считается великим несчастьем, тогда как рождение сына вызывает большое ликование. Дочь не наследует отцу. Ни за какую брань, ни за какое сравнение осетин так не обидится, как за

сравнение с женщиной. Назвать его „ус“ (женщиною) значит нанести тяжкую обиду. После смерти мужа жена вместе со всем другим наследством переходит к его брату. Все работы, как по дому: приготовление кушаний, напитков, одежды, так и в поле, кроме сенокоса, лежат на женщине. Мужчины же проводят время праздно в бесконечных разговорах на сборном месте или же в гостях у своих знакомых.

Несмотря, однако, на рабское положение, женщины могут свободно находиться в обществе мужчин и участвовать в играх и празднествах.

VIII.

Религиозные воззрения осетин представляют смесь язычества, христианства и магометанства, хотя официально они значатся частью христианами, частью магометанами.

Предки настоящих осетин на заре истории были язычниками-идолопоклонниками. В V в. они обращены в христианство грузинским царем Вахтангом I Гургасланом. Однако, христианство не могло пустить глубоких корней, так как учение Христа противоречило нравственным понятиям осетин, сложившимся веками в родовом быту; догматы же христианской религии им совершенно непонятны. В конце XV в. и в начале XVI в. между ними распространилось магометанство, которое было принято некоторыми из них.

Осетины, как христиане, так и магометане, верят в существование единого Бога, „хуцау“, невидимого, пребывающего где-то на небе и управляющего миром. Это высшее существо слишком далеко находится от них, их младенческому уму оно недоступно, неуловимо, а потому они создали себе богов более доступных, заведующих отдельными частями видимой и осязаемой природы. Эти боги, во власти которых находится

счастье людей, однако подчинены высшему Божеству. Впоследствии они смешались в понятиях осетин с некоторыми христианскими святыми, которые и стали обладать той или иной властью.

Так св. Георгий (Уастырджи) у осетин покровительствует путешественникам и владеет всеми дорогами; он оберегает домашний скот и карает всех клятвопреступников и убийц. В противоположность св. Георгию, „Саурег-дзуар“ покровительствует разбойникам и ворам. „Уацилла“ (св. Илия) заведует громом и молнией.

Пораженного громом считают прогневившим святого, который убивает его своею пулей. Около такого умершего собираются родственники и знакомые и начинают плясать; женщины же делают вид, что плачут, но на самом деле плакать не смеют из боязни рассердить Уациллу. Хоронят убитого или на месте поражения, или же кладут труп на арбу, запряженную двумя молодыми бычками, и предоставляют им итти, куда они хотят. Там, где быки встанут, и хоронят убитого, полагая, что это место указано самим св. Илией.

Св. Федор Тирон (Тутыр) властвует над волками, а „Фальвар“—над овцами. Если на стадо нападет волк, то осетин молит: „О, Тутыр, я и мой скот под твоим покровительством, мы твои гости: спаси меня и скот мой от пастей твоих волков, прогоняя их далеко“.

При отправлении на охоту осетин берет заранее приготовленные три маленькие кругленькие сырника и, дойдя до места охоты, обращается с молитвой к „Авсати“, покровителю охотников и властителю над дикими животными, с просьбой, чтобы Авсати дал ему одного бедного оленя или тура из своего стада и принял бы жертву сырниками.

„Сафа“ покровительствует цепи и домашнему очагу.

„Аларды“—дух, посылающий оспу. Заболевшего оспой после выздоровления окуривают ладаном, а за-

тем с молодежью отправляют к Алардову дереву. Здесь прибывшие обнажают головы, делают низкий поклон дереву, а старший из них произносит молитву Аларде и кладет на дерево монету, вату и канитель. Потом закусывают шашлыком и принесенными чуреками и возвращаются домой, где им делают торжественную встречу.

Как из этого краткого перечня осетинских святых, так и из последующих описаний обрядов и празднеств можно убедиться, что и христианство, и магометанство существуют только с внешней, обрядовой стороны. Христиане-осетины соблюдают посты и праздники, посещают церковь, упоминают имя Христа „золотого Чириети", некоторых святых, но вместе с этим совершают „моления-кувды", приносят в жертву баранов, козлов и быков своим аульным и семейным богам и больше веруют в силу своих „дзуаров", нежели в христианского единого Бога. Точно так же и магометане называют пророка Махамата „солнцевым сыном", совершают омовения, соблюдают пятницу, постятся во время „уразы" [1]), но все это не мешает им справлять языческие праздники и чтить древне-христианские святыни.

„Дзуаром" у осетин называется место и даже предмет, носящий по их мнению чудесный характер. Будет ли то роща, освященная каким-либо преданием, раскидистое дерево, пещера, оригинального вида камень, древняя могила, минеральный ключ,—все это при суеверном воображении осетина становится святыней—„дзуаром". „Дзуары" бывают чтимы или почти всем осетинским народом, как, напр., „Рекома" в Цейском ущельи, или местные, почитаемые отдельным селением и даже отдельной семьей.

Главное святилище осетин «Рекома» представляет

---

[1]) Мусульманский пост.

собою низенький деревянный четыреугольный сруб с двумя маленькими, низенькими окошечками. Покрыта эта избушка тесом. Внутри стены и потолок обвешаны коврами и разным платьем, превратившимся в лохмотья. На полу сложены в куче разные приношения благочестивых горцев: иконы, ларцы, серьги, гривны, кадильницы, чаши, турьи и оленьи рога, стрелы и т. п. Все это покрыто густым слоем пыли и грязи.

IX.

Обряд, совершаемый при „кувде“, т.-е молении какому-нибудь дзуару, заключается в следующем. Задолго до празднества жители аула приготовляют лепешки „чири“ (из пшеничной муки, начиненные сыром), арак, пиво, откармливают „нывондов“, т.-е. жертвенных животных, а затем в назначенный день со всеми этими припасами отправляются к священному месту. Здесь один из молодых людей берет „нывонда“ и подводит к старшему члену семьи; тот, взяв животное за левый рог, произносит молитву Богу или чествуемому святому и делает горящей головней крестообразные метки на шее, за правым ухом и на морде животного. Пока дым от опаляемой шерсти несется вверх, жрец произносит: „Да пойдет так же и наше прошение к Богу“. Затем ему подают чашку с араком, он плескает часть его в огонь, часть дает отпить мальчику, а остальное выпивает сам. После такой церемонии молодой человек с помощником кладут животное на землю и, произнеся: „Боже, тебе слава“, режут его.

Отрезанную голову вместе с остальным мясом кладут варить в котел. Когда все жертвенное мясо готово и пища продолжительной молитвой освящена, то старик берет кусок легкого, обернутого в жир, и вместе с лепешкой (чири) бросает в огонь. Другой же, сидящий с ним рядом, поднимает чашку с араком,

плескает из нее несколько капель в огонь и дает сначала отведать одному из присутствующих, а потом остальное выпивает сам. После этого начинается общая пирушка, которая продолжается далеко за полночь и сопровождается песнями, посвященными празднуемому святому.

Из праздников, которые справляют осетины, наиболее интересны следующие.

Новый год; празднуется он в последнюю или предпоследнюю пятницу декабря месяца. Ночь этого праздника считается священною. Хозяйка приготовляет барашка, пиво, аракъ, большую лепешку „деда“ (мать) и множество мелких (детей), которые носят название разных сельскохозяйственных орудий, напр.: сохи, ярма. бороны и т. п. С наступлением темноты собираются все возле очага, и хозяин произносит длинную молитву, в которой благодарит Бога за прошедший год и испрашивает благополучия и счастья семье в наступающем году. В своей молитве осетин просит обо всем, что желал бы получить, так как глубоко убежден, что в начале года Бог распределяет свои милости между людьми.

Ночью молодежь ходит по саклям с поздравлениями. Перед входом они обыкновенно запевают:

О! праздник Василия, Василия!
Счастливый праздник!
Да получит мальчика ваша хозяйка,
Да убьет оленя ваш хозяин,
Нам же дайте наш Васильев долг,
Ваш петух так говорит:
Зеленую бутылку, полную зеленого араку,
Зеленого араку, зеленого араку,
Баранью ногу, баранью ногу.
Эй, Бека, к вам мы идем!

Войдя же в саклю, разбрасывают щепки и произносят: „Дай вам Бог столько же счастья!“ Потом обращаются к хозяину и хозяйке отдельно с поздравлениями и добрыми пожеланиями.

На рассвете каждый хозяин на дворе раскладывает пучки соломы, зажигает их в честь своих умерших родителей и приговаривает: „Будьте светлы наши мертвые, доля вашего огня да не потухнет“. Осетины верят, что мертвые таким образом снабжаются новым огнем в наступающем году.

Праздник „Тутыру“ (св. Федору) справляют в Чистый понедельник. В этот день вся семья ничего не ест и не пьет вплоть до вечера, когда подают ужин. За ужином домашний пастух вынимает шапку из ступки, отверстие которой было заткнуто, и произносит молитву святому: „О, приближенный к Богу Тутыр, воззри на нас своим правым оком и сравни со своим постом тот, который мы держали в славу твою; не промочив глоток наших даже каплями воды; учини такую милость, чтобы глотки твоих волков были заткнуты камнями так крепко, как отверстие вот этой ступки, так сухи, как теперь наши рты, и да будут они (волки) глухи и немы, неподвижны и неопасны, как эта деревянная ступка. Огради от пастей их наших овец, мы же, стар и млад, за такую милость твою к нам ежегодно будем поститься ради имени твоего. Наши овцы суть твои гости, и да будет на них милость твоя“.

Обыкновенно в горах осетины не придерживаются строгого и продолжительного поста, но у них все-таки существуют розговены, соответствующие нашей Пасхе. Справляются они особым приношением в жертву ягненка, при чем хозяин произносит такую молитву: „О Чиристи! молим Тебя, воззри из своего дзэнэта (рая) на нас и пожалей нас; говорят, ты раздаешь в загробном мире места душам тех людей, которые в здешнем соблюдали ради Тебя пост; Ты же ведаешь, что мое бедное семейство постилось, угождая Тебе; да будет сладок Тебе наш пост; устрой в раю место для настоящего и последующих поколений нашего рода.

О, Барастыр! слышали мы, что ты начальник мертвых, и если это справедливо, то да будет угодна и тебе настоящая наша жертва; моли Чиристи, дабы Он даровал нашим предкам в раю хорошие места и тем из нас, которые перейдут в неложный мир".

Весною справляется праздник Аларде. В землянках, устроенных около святилища Аларды, осетины проводят целый месяц. Здесь они пируют, воспевают хвалебные песни и сопровождают их плясками, скачками, джигитовкой.

Вот одна из песен этому духу оспы:

Слава тебе, светлый Аларды!
Славою тебе поклоняемся,
Среди белого стада, белая овца—
Она твоя жертва, светлый Аларды!
Из ячменя, растущего на разрыхленной земле, тебе пиво,
Из пшеницы, растущей на подсолнечной земле, тебе пироги,
Эрзерумская вата по твоему пути,
Сирийское серебро тебе в приношение,
Вместо души прими, Аларды, белого быка.

Перед началом запашки под озимь в каждой семье празднуется так называемый: „Хори-бон", т.-е. день хлеба. Для этого собираются поочередно по одному или два вместе семейства в сакле „ангела аула". Когда все усядутся в известном порядке, то старик берет в правую руку трехугольный чурек, а в левую—чашку браги бурого цвета и молит Уациллу о ниспослании урожая. После молитвы он спрашивает присутствующих: „Чего вы просите?"—Хлеба, хлеба, хлеба!"—отвечают те. „Да насытит вас Уацилла!"—произносит старик и передает чурек одному из юношей. Этот последний надевает шубу наизнанку, и старик обливает ему голову брагой в таком количестве, что она заливает ему рот, уши, ноздри и течет по шубе, приговаривая: „Как изобильно льется эта брага, так да уродится наш хлеб!" Присутствующие отвечают „амен!" Молодой человек, глотая брагу, кричит: „Да

возрастит Уацилла хлеба наши так, чтобы мы, дети наши и правнуки были богаты и сыты!".

В конце осени у осетин, живущих на равнине, существуют посиделки, называемые „сиденьем девушек ради Матери Марии". Это—специально девичий праздник. Девушки собираются у какой-нибудь старухи, приносят с собой муки, сыру и т. п. и пекут с разной начинкой пресные чуреки по числу девиц. Когда все приготовлено, старшая из девушек берет в руки чурек и произносит молитвы Матери Марии, с просьбой о ниспослании жениха, Банаты-хицау—об избавлении от чар дурных женщин и Аларде—о сохранении от оспы. Затем каждая берет первый попавшийся ей чурек и смотрит начинку; если окажется сырная начинка, то такая девица выйдет замуж за человека, у которого много коров, та же, у которой пирог с начинкой из хлебных зерен, выйдет за человека богатого хлебом, и т. д.

Под среду между Рождеством и Новым годом справляют праздник, носящий название „дуаи-астдау", т.-е. среди двух, так как он посвящается не Богу и Его святым, а гневному демону.

Еще с полудня все семейство начинает приготовляться к празднику. С наступлением же вечера хозяин берет откормленного ягненка и закалывает молча над ямой, вырытой у порога. Мясо кладется в котел и варится, а из легких и горла приготовляют шашлык. Когда все готово, хозяин встает, берет в левую руку стакан с аракой, а в правую шашлык и, обращая взор свой на восток, возглашает: „О, Банаты-хицау, подай милость твою! демон не искушай нас и не делай нам никакого зла, не трогай нашего скота, ни всего того, что принадлежит нам, но вонми усердным нашим молитвам и прими эту жертву, это кушание и это питие. Отними от нас свою волю и власть и скройся далеко от нашего крова, чтобы ни мы, ни дети, ни

правнуки наши не потерпели от тебя зла". Затем хозяин вынимает мясо из котла, кладет его на стол, накрывает буркой, и все выходят на балкон.

Осетины верят, что демон на свободе приходит и ест предложенное. Через некоторое время семья возвращается в саклю и приступает к ужину. Мясо должно быть съедено в эту же ночь, а кости кладут в овечью яму. Имя Бога в этот вечер не призывается, очевидно, из угоды демону, которого боятся прогневить.

Таковы осетины в своих религиозных верованиях при совершении праздников. Но и в других своих обрядах и обычаях они очень немногим напоминают христиан или магометан; например, при произнесении клятвы держат за хвост собаку или за ухо осла и говорят: „Пусть предки и родные мои съедят эту собаку или ишака на том свете, если я говорю неправду".

Что же касается до обрядов, совершаемых при различных событиях семейной жизни, то они носят характер язычества.

X.

При рождении ребенка-мальчика во всем селении происходит ликование. Родные и знакомые спешат с поздравлениями. Мужчины приносят с собой пули и кладут младенцу в колыбель: Имя дается ему одно христианское или магометанское для вида, для начальства, другое же—языческое, настоящее. Под последним он, собственно, и бывает известен среди своих односельчан.

При свадьбах осетин наиболее интересны следующие обряды.

Осетин, желающий вступить в брак, обязан внести родителям невесты требуемую плату, „калым".

После венчания свадебная процессия направляется с молодой к дому мужа в сопровождении гостей, ко-

торые стреляют из винтовок и пистолетов. По приближении к дому навстречу им выбегают парни и девушки и вводят молодую в саклю; мальчики же бегут в спальню, ломают на стенах ее крючки, чашки, и вообще все, что попадется им под руку, и выбрасывают на улицу. Этим они показывают, что выводят из дома зло, несчастье и дьявола.

При входе невесты в дом жениха, родные его обнажают кинжалы и держат их над головой невесты, отгоняя таким образом злых духов, которые являются с молодой, как женщиной, существом нечистым. Войдя в саклю, шафер берет молодую за руку, подводит к очагу, велит преклониться перед ним, а также и перед цепью и просит благословения у „Олар-Сафы“. Потом подводит ее к „афсин“ (старой хозяйке), сидящей тут же. Молодая, склонив голову, мажет ей чевяки кусочком сала в знак покорности, смирения и уважения. Затем подводят молодую к западному углу, где находится, украшенный рогами домашних и диких животных, священный столб—„сары зад“, т.-е. „ангел головы“. Здесь шафер молится, чтобы „сары зад“ принял невесту под свое покровительство, как „ангел головы“ всего семейства. Молодая должна стоять в этом углу три дня, в продолжение которых юноши и девицы пляшут и поют с утра до вечера. По истечении срока, в полдень шафер подходит к невесте и после некоторых церемоний молится: „Сары заду“, богу болезней, богу ума и любви, ангелу пути, святому барана, святому спины, святому живота и т. д.

Содержание молитв этим святым таковы: „О, Рагы-дзуар (святой спины), услышь нашу мольбу, восполни спины наши разнообразными одеждами, чтобы они никогда не были непокрытыми!“ Или: „О, Губыны-дзуар (святой живота), молим тебя, подай нам благодать и милость отца и матери твоей и соделай, чтобы животы наши были всегда полны хлебом“, и т. п.

После молитв шафер ведет молодую к „Мады-майрам“, т.-е. священному камню, который находится повыше аула и в котором, осетины полагают, живет „Мать Мария“, т.-е. мать И. Христа, покровительница всех замужних женщин, и просят ниспослать благодать на новую женщину.

Похищение невест—еще довольно распространенный обычай.

Самые любопытные обряды осетин происходят при похоронах. Но и кроме обряда погребения интересно их представление о загробной жизни.

Душа, по их понятиям, какое-то особое существо, независимое от тела. Когда человек умирает, то где-то на небе собирается суд из 6-ти мужчин (если умерший мужчина) или из 4-х женщин (если—женщина) и решает судьбу больного. Как только смертный приговор произнесен, человек уж не живет, он прозябает. В час смерти является в образе волка извлекатель душ, которого больной страшно пугается. Извлеченная душа летает над трупом, пока он в доме; когда же тело опустят в могилу, то душа снова входит в него. Покойник три раза приподнимается в могиле. Душа вновь выходит из тела, выражает свое недоумение: „Как я могла поддерживать до сих пор этот дубовый чурбан“, и улетает на небо. На небе она проходит сквозь семь звеньев и принимает свой прежний человеческий образ. Ее встречает „Барастыр“, начальник мертвых, и указывает место или в „зындоне“—аду, или в „дзэнэте“—раю. С разрешения этого начальника мертвые могут отлучаться на побывку домой, но должны вернуться в загробный мир до заката солнца; опоздавшему приходится бродить около ворот царства мертвых до зори, так как двери запираются и никто не впускается и не выпускается в это время.

Так же, как и на земле, души умерших стареют. Для обновления своего тела они принимают в пищу

мифическое змеевидное существо Руймона. Руймон родится на земле слепым: от крика его люди болеют и умирают. Чтобы спасти людей от него, белый Илия спускает с неба цепь, окруженную облаками, накидывает ее на шею чудовища и тянет его вверх. По мере того, как Руймон приближается к небу, небесные духи отрубают у него мечами куски мяса и расдают умершим. Те варят из них взвар и, поевши, снова молодеют, т.-е. принимают тот возраст, в котором умерли.

Как только кто-нибудь умирает, так раздается по аулу голос „каргэнэга“ (вестника), призывающего родственников и знакомых оплакивать умершего. Вскоре после призыва раздается крик, шум, рыдания. Все сбегаются к сакле умершего и несут с собой разные приношения: чевяки, ноговицы и т. д. Подойдя к покойнику, они говорят сквозь слезы: „В раю да будет место твоей душе и да будешь светел“.

Покойника одевают пышно в лучшие одежды, ибо осетин полагает, что стыдно явиться умершему на том свете среди таких же людей, как и он, в плохом одеянии.

После продолжительного оплакивания покойника несут к месту погребения. В этом печальном шествии мужчины следуют за гробом и бьют себя в лоб кулаками попеременно, то правой, то левой рукой со стонами: э, а, а, а, а, а, а, а, а! (звуки, выражающие печаль и горе); женщины же ползают на коленях, ударяют в такт по своим лицам и издают глухие звуки: „Да-дай! о, у, а, у! да-дай ма бон!“, т.-е. уф, ах, увы мой день.

При приближении печальной процессии к могиле, вдова умершего подходит под гроб и трижды ударяется об него своей головой снизу, свидегельствуя этим самым свое искреннее желание принадлежать мужу и на том свете.

Около могилы опускают гроб на землю, и мужчи-

ны становятся в сторону от женщин. Из толпы последних выходят вперед сестры, племянницы и другие родственницы покойного. Они сначала останавливаются, а потом медленно подходят к гробу, рвут на головах своих волосы и царапают ногтями лица. После женщин родственниц подходят также мужчины родные (братья, сыновья, племянники) и наносят себе удары по затылку плетьми.

Такое самоистязание указывает на расположение родных к умершему. За родными подходит ко гробу вдова, отрезает свою косу и кладет ее на грудь мужа, желая показать этим самым, что она связывает его волю вступить в новый брак на том свете. Затем начинается плач всех присутствующих женщин, среди которого слышны причитания вдовы, сетующей на свою вдовью долю.

После плача и причитания выходит старик и ведет за собой лошадь, на шее которой надет белый коленкор, а вместо подседельника новый неношенный сафьян. Остановившись у гроба, он произносит надгробную речь. В этой речи он указывает на заслуги покойного, говорит, что ему нужен добрый конь для дальнего путешествия в загробный мир к начальнику мертвых—Барастыру, и заканчивает описанием этого пути. После этого он трижды обходит гроб с тремя родственниками, которые ударяют себя по лицу и издают звуки: да-дай! да-дай ма бон.

По окончании надгробного слова вдова берет с груди покойника свою отрезанную косу и, передавая ее „бах-фалдисаху“, т.-е. проповеднику, говорит: „Вот и плеть покойнику“. Приняв косу, старик трижды ударяет ею по лошади и призносит: „Да принадлежите вы оба ему одному“, т.-е. умершему; потом возвращает косу обратно вдове, а она кладет опять ее на грудь мужа.

Лошади сначала дают попробовать браги, и чашку

разбивают об ее копыто, а затем—проса; после этого делают надрез на ухе и передают ее кому-нибудь из присутствующих. Тот садится верхом и скачет до тех пор, пока не вгонит в испарину. Сафьян и коленкор с лошади отдаются бедным.

После посвящения лошади умершему „фалдисах“ берет стоящие в изголовьи бутылку с аракой и чурек, составляющие дорожную провизию покойного, разбивает бутылку о камень, а чурек кидает в сторону и произносит: „Эта пища и это питье да будут неистощимы, сколько бы их ни употреблял до тех пор, пока не достигнешь центра рая“. Народ возглашает: „Да будет светел и да сидит в раю“. Наплакавшись вдоволь над покойником, его зарывают в землю.

После погребения начинаются поминки, крайне разорительные для осетин. На покойника осетины смотрят, как на покровителя семьи. Хорошо кормимый, а потому и вполне довольный своим потомством, прежде не преминет ниспослать на него из могилы всевозможные блага: избавит от засухи и града, наделит обильными урожаями; надо только молиться да не отказывать ему во всем, что доставляло удовольствие при жизни. И вот, при таком взгляде на умершего, осетин устраивает поминки, стремясь действительно не отказать ни в чем покойнику, хотя бы это и было в ущерб живым.

Поэтому немудрено, что семьи умерших разоряются и часто после поминок делаются нищими.

Всех поминок бывает до 12-ти в год; последние, двенадцатые, заканчиваются скачками в честь умершего. Помимо этого в пятницу на 6-й неделе Великого поста совершается обряд, называемый „сидением мертвых“. Заключается он в том, что делают чучело, одевают его во все одежды покойника и сажают на видном месте. Кругом усаживаются родные

и знакомые и всю ночь проводят в воспоминаниях о покойнике и рассказах о загробном мире.

Сказать осетину, что его мертвые голодают, значит нанести кровную обиду.

По смерти мужа вдова надевает из грубой черной материи рубашку и платье и круглый год постится. Каждый день она занята теми же хлопотами по дому, что и при жизни мужа. Стелет ему постель, сидит с зажженной свечой, как бы дожидаясь его прихода до тех пор, пока не запоют петухи; утром берет кувшин с водой и делает вид, что подает ему умываться. Вечер же каждой пятницы проводит на могиле.

Похороны просватанной девушки несколько отличаются от только что описанного следующим образом. На кладбище близкие родственницы ставят труп на ноги, и одна из них от лица умершей отказывается от жениха, освобождая его таким образом от данного ей обещания, и сама испрашивает разрешения на приискание жениха в загробном мире.

XI.

Среди разных сказаний осетинского народа наибольший интерес составляют сказания о нартах, богатырях.

„Когда небо еще не сгущалось, а земля только что сплотилась, я был уже мужчина в зрелых летах“,— говорит один из нартов—Созрыко, сын Урызмаха и Сатанэ.—„Когда Бештау был не больше кочки, через Идыл (т. е. Волгу) шагали мальчики, я был старик в полной силе“... Таковы указания о времени, когда жили нарты.

Отличались они необыкновенной силой, умом, храбростью. Батраз, один из главных героев нартских сказаний, принес на своих плечах пушку, которую не

могли сдвинуть несколько быков; тот же Батраз, сев на коня, сжал его коленями так, что проломил ему бока. Этот же богатырь был закален небесным кузнецом Курдалагоном, который калил его на сильном огне от субботы до другой, и когда бросил в море, то в море закипела вода и вся испарилась, так что целую неделю море оставалось сухим.

Но как ни были нарты великанами и богатырями, но окружающая их природа, животные и люди были еще больше. В одном из сказаний говорится, как ястреб унес в когтях быка, на одной лопатке которого был после построен большой аул; эту лопатку с целым аулом перекидывала с боку на бок лисица, а дочь великана убила коромыслом эту лисицу, полшкуры которой не хватило на шапку ребенку. Эта же лопатка попала, как заноза, в глаз пастуху-великану. В других сказаниях говорится, что нарт Созрыко убил великана, снял кожу у него с головы и сшил себе шубу из волосяного покрова. Три нарта однажды вошли для ночлега в пещеру, которая оказалась черепом человека, а они вошли в глазную впадину.

Таковы были размеры всего окружающего нартов. В конце концов нарты очень возгордились и не стали поклоняться Богу, за это Бог прогневался на них, сжег их небесным огнем и на место их поселил маленьких людей, живущих поныне.

КАВКАЗ.

II.

Западно-горские

(абхазцы, черкесы, кабардинцы, горные татары: карачаевцы, балкарцы, урусбиевцы, чеченцы)

и

восточно-горские племена

(лезгины).

XII.

Западно-горские племена.

На запад от осетин по ущельям и долинам, вплоть до Черного моря расположилась западно-горская группа кавказских народов. Представителями этой группы являются абхазцы и черкесы. Абхазцы занимают пространство по берегу Черного моря, от Гагринской теснины на юг вплоть до устья Ингура, т.-е. теперешний Сухумский округ; часть их, а именно абазинцы перебрались даже через главный хребет и поселились на северном склоне Кубанской области, преимущественно в Баталпашинском уезде.

Страна, занятая этим народом, была известна в очень отдаленное время. В первые времена христианства, по преданию, св. ап. Андрей Первозванный проповедывал здесь христианское учение. В VI в., при Византийском императоре Юстиниане I, православная вера была совершенно введена и уже распространялась и поддерживалась соседней Грузией. В XVI в. в Абхазию проник ислам, но не мог совершенно вытеснить христианства и вместе с прежними остатками язычества образовал какую-то смесь религиозных христиано-магометанско-языческих верований. Почти все абхазцы на ряду с празднованьем Рождества Христова, Пасхи, Духова дня чтут джуму и бай-

рам, постятся в рамазан и в великий пост, уважают в одинаковой степени священные леса и приносят тайком жертвы горным и лесным духам. По наружному виду, одежде, образу жизни, занятиям они очень похожи на своих соседей черкесов; но в обращении с женщиной и детьми абхазцы не только резко выделяются среди всех народов Кавказа, но, пожалуй, и среди многих цивилизованных жителей Европы. Ни одна женщина в мире не пользуется таким уважением, как абхазская. Не говоря о высших классах населения, но даже у простолюдин женщина полная хозяйка в доме, и вся черная работа по дому лежит исключительно на муже. Бить или ругать жену не позволит ни один абхазец.

Абхазец.

При выходе замуж женщина получает „мехяк“ (в роде брачного контракта), которым она обеспечивается в имущественном отношении на случай, если муж ее покинет или умрет. Бедной вдове жители аула всегда помогут посеять и убрать хлеб

Нищих нет, так как все неимущие получают пособие от общества. Еще большей заботливостью и попечением пользуются у абхазцев дети; у них очень распространен обычай брать детей бедных родителей на воспитание. Различия между принятым ребенком и

своим у абхазцов не полагается; он также его поит, кормит, одевает, ласкает и воспитывает, как и своего.

Когда и как появились черкесы на Кавказе, точных указаний в истории нет, но существуют предания, которые гласят, что племя „адыге“, как называют сами себя черкесы, переселилось с северных берегов Черного и Азовского морей и заняло восточный берег, значительную часть обоих склонов Кавказского хребта и Кубанскую равнину. У их князя Болотокова был дворянин Кабарда Тамбиев, который, боясь похищения своей красавицы жены со стороны князя, ушел и поселился на левой стороне реки Малки и сделался родоначальником кабардинцев. Кроме кабардинцев многочисленное черкесское племя разделяется на бжедухов, бесленеевцев, шапсугов и др. Русским черкесы стали известны под именем косогов со времен Святослава, который, в 967 г. разгромив хазар, добрался до яссов (осетин) и косогов, победил их и основал на берегах Кубани, на Таманском полуострове Тмутараканское княжество. В летописях дальше говорится, что князь Тмутараканский Мстислав Удалой в битве с косогами, в единоборстве победил их великана Редедю. Впоследствии царь Иван Васильевич Грозный породнился даже с одним из черкесских князей, Темрюком, женившись на дочери его Марии. После этого между русскими и черкесами завязались самые дружественные отношения. С начала же XVIII в. между черкесами распространилось мусульманство, и отношения их с русскими испортились, из друзей они сделались врагами. Прошло целое столетие в непрерывных войнах и битвах, пока, наконец, Кавказ не был покорен, а вместе с ним и черкесы (в 1864 г.). После покорения русское правительство предложило племенам, засевшим в горных ущельях, выселиться на плоскость или же удалиться в Турцию. Большинство предпочло последнее, куда ушло до полумиллиона душ,

остальные же расселились среди казацких станиц по среднему течению Кубани и ее притокам: Белой, Лабе, Зеленчуку и др.

Наиболее многочисленные и менее всего пострадавшие от выселения из племени „адыге“, это—кабардинцы. Они разделяются на Большую Кабарду, лежащую между р. Малкою и Тереком, и Малую Кабарду—между р. Тереком, Сунжею и предгорьями хребта. Местность эта представляет широкую долину с покатыми склонами, по которой горные речки, выбежав из ущелья, разбились на рукава и изрезали ее в разных направлениях. К северу долина эта переходит в громадные степные пространства, а на юге ее поднимаются лесистые предгория с белеющим снежным хребтом на склоне голубого неба. По мере приближения к горам, так же как и в Осетии, местность становится все диче и диче, все живописней и роскошней. Реки уж роются в глубоких ущельях, откуда доносится их глухой рокот; порой ущелья расширяются и образуют небольшие поляны, на которых неожиданно из чащи леса открывается темно-синяя, гладкая, как зеркало, поверхность горного озера и, как зеркало, отражающая в себе и скалы, стоящие вокруг, и деревья, и синее небо. Часто можно также встретить большие выделения сернистого водорода, который, разлагаясь, выделяет на подводные предметы желтовато-белый осадок серы и превращает дно озера с массою водорослей и др. растений в чрезвычайно эффектную картину, от которой трудно оторваться путнику. Эта же сера покрывает и близко стоящие предметы, камни, ветки, деревья, склонившиеся над водой, придавая довольно оригинальный вид местности. Таково среднее течение Терека.

Местность, занятая другими черкесскими племенами, носит тот же характер местных предгорий, с теми же быстро мчащимися в глубоких ущельях гор-

ными речками. Только по мере приближения к Черному морю страна теряет свой дикий вид, а растительность, покрывающая ее, становится богаче.

Черкесы все официально значатся магометанами-суннитами. На ряду с исламом они совершают и христианские обряды, так как до распространения магометанства черкесы исповедывали христианскую религию, введенную Юстинианом, императором византийским. Разница между магометанами суннитами и их заклятыми врагами шиитами заключается в следующем: по смерти Магомета в среде его последователей начались раздоры и смуты: одни признавали, что власть духовная и светская, которую имел пророк, должна перейти к достойнейшему по всеобщему избранию (иджима), другие же считали, что власть эта должна переходить наследственным путем. Первая партия одержала победу, и в халифы был избран за свой ум Абу-Бекр. После него последовательно правили арабами Омар и Осман, по смерти которого верх взяла противная партия, возвела в халифы Алия—зятя Магомета, женатого на его дочери Фатиме.

Кабардинцы.

Алий был убит подосланными убийцами, и власть захватил некий Моавий, положивший начало династии Омайядов, которых сменили Абассиды, сторонники персов.

Первые три халифа после себя оставили ряд проро-

ческих книг, заключающих в себе священные предания, обряды и толкования корана; книги эти называются „суннами“. Мусульмане, признающие первых трех халифов: Абу-Бекра, Омара и Османа, а также сунны, носят название „суннит“ в противоположность „шиитам“, считающим вышеназванных халифов узурпаторами, захватчиками прав Алия. К суннитам относятся все мусульмане северного Кавказа, в том числе и кабардинцы, к которым мусульманство перешло через турок; к шиитам—магометане юго-восточного Кавказа, принявшие религию Магомета от персов, завзятых фанатиков.

Кабардинцы являются на Кавказе передовым и самым красивым народом. Среднего роста, они крепко сложены и отличаются правильными мужественными чертами лица с несколько свирепым выражением.

„Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны...
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у брегов“.

(„Измаил-Бей“, Лермонтов).

Кабарда была и доныне отчасти остается школой хорошего тона и манер. Все горцы Кавказа, а за ними и казаки заимствовали у кабардинцев форму одежды, вооружение, посадку на лошади. Женщины носят поверх широких, книзу суженых шаровар длинные белые рубашки из вязи и кисеи. Рубашки эти с разрезом на груди имеют небольшой стоячий воротник и широкие рукава. Талия стягивается широким поясом с серебряной пряжкой. Поверх рубашки надевается шелковый бешмет. Голова их покрывается круглой, довольно высокой шапочкой с небольшим барашковым околышем, обложенной серебряным галуном; верх шапочки повит белой кисейной чалмой с длинными ко-

нусами, падающими за спину. Из-под шапочки вьются по плечам распущенные волосы.

В противоположность осетинам, кабардинцы—аристократы; разделение на сословия у них сильно развито, и уважение больше оказывают человеку по происхождению „узденю“, нежели пожилому. Перед князем, хотя бы мальчиком, стоят и старики, тогда как у осетин, наоборот, перед стариком, хотя бы он был последний человек, не сядет даже взрослый „алдор“ —дворянин.

Что же касается жилища, то вообще оно почти не отличается от осетинских аулов и саклей. Неограниченная власть отца над детьми, мужа над женой, рабское положение женщины, обремененной непосильными работами, гостеприимство и дикое мщение, — все, эти черты семейной и общественной жизни существуют в такой же силе у черкесов, как и у осетин. Коренную разницу представляет язык, на котором говорит племя адыге и который очень труден для изучения. Сказания о нартах имеются тоже и у черкесов, но только в других вариантах.

Среди черкесов и осетин живут горные татары, карачаевцы, балкарцы, урусбиевцы, чеченцы и др., заимствовавшие от своих соседей весь строй жизни.

На востоке от осетин, по правую сторону р. Терека, начиная от Дарьяла до истока р. Акташа, живут чеченцы. Они имеют несколько подразделений, названия которых даны по имени аулов и тех местностей, где они живут. Да и самое их общее название—чеченцы—получено от имени бывшего на р. Аргуни аула Чечень, сами же они себя называют „нахчуи“ или „нахчий“, т.-е. народ. Это—самый своевольный и необузданный народ как во времена покорения Кавказа, так и после его. Не раз приходилось русскому правительству прибегать к оружию, чтобы силой заставить смириться чеченцев.

„Но ни огонь, ни меч, ни цепи.
Не уничтожили страстей
Звероподобного народа".

(Полежаев, „Чир-Юрт").

И только время и изменение окружающих условий жизни укротило чеченцев и направило их способности и восприимчивость к усвоению плодов культуры.

XIII.

Восточно-горские племена.

Как я уже говорил, треугольник, который образуется главным хребтом и его отрогами и наполнен горами, называется Дагестанской горной страной, или просто Дагестаном. Природа Дагестана представляет голые безлесные, безжизненные утесы, повсюду, во всех направлениях, поднимающиеся перед нутником, заставляя его карабкаться по головоломным тропинкам. Здесь нет широких долин и роскошных лесов Кабардинии, нет снежных великанов Осетии, гордо поднимающихся к небу, нет правильных цепей гор.

„Мрачны горы, покрытые тучами,
Все ущелья наполнила мгла,
Завладела провалами, кручами
И на дне пропастей залегла".

(„В горах". Д. Л. Михайловский).

Вся поверхность земли представляет какой-то хаос горных узлов и хребтов, тянущихся по всем направлениям. Как будто какая-то сверхъестественная сила прошла, взрыла и взбудоражила здесь нарочно все. Глубокие и длинные ущелья заменяются черными трещинами, в глубине которых глухо бьется горная речка. Эти трещины ущелья настолько узки, что их

можно перешагнуть. Иногда же края их сходятся и образуют таким образом естественный каменный мост. Отсутствие дождей внизу, в долинах, несносная жара между каменных стен, малоснежные, но суровые зимы еще более делают страну негостеприимной. Только вверху, ближе к ледникам, которых, к слову сказать, очень мало, встречаются альпийские луга с сочной

Аул в Дегестане.

травой, да небольшие березовые рощицы между гребнями гор.

Среди этой дикой природы поселились не менее дикие племена, известные под общим именем лезгин.

„И дики тех ущелий племена,
Их Бог — свобода, их закон — война;
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных“.

(„Измаил Бей“. Лермонтов.)

Их каменные сакли то прячутся в глубоких оврагах под нависшей скалой, то лепятся по самому краю пропасти, то раскинулись на вершинах совершенно отвесных утесов, производя угрюмое впечатление. Благодаря отсутствию удобных проходов внутри страны, жители отдельных долин и ущелий разобщились и обособились друг от друга, составивши собою отдельные народы. Так, напр., есть селения, состоящие из 30 дворов, говорящие на своем, им только понятном, наречии. Еще арабские писатели называли Дагестан „горою языков.“ Но теперь, после научных исследований, убедились, что эта „гора языков“ составляет между собою родственную связь, хотя и делится на вполне самостоятельные наречия. Природа Дагестана сильно отразилась на характере и общем складе лезгина. С крепким телосложением, с широкой, выпуклой грудью, они гибки, ловки и терпеливы при перенесении трудов и лишений.

Религиозность их граничит с суеверием; смелость, храбрость, гостеприимство, живая и богатая фантазия, привязанность к родине, нравам, обычаям и пламенная любовь к свободе и независимости,—вот те качества, которые свойственны вообще всем горным жителям Кавказа, а лезгинам в особенности.

На ряду с этими хорошими чертами характера, обитатели Дагестана имеют много и дурных. Они хитры и лукавы, крайне льстивы, страшные проныры, завистливы и охотники до разных кляуз: обман, ложь, клевета и кровомщение—самое обычное дело.

„Украсть, отнять—им все равно:
Чихирь и мед кинжалом просят
И пулей платят за пшено.
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня“.

(„Измаил Бей“. Лермонтов).

Главное занятие их—земледелие, но оно сопряже-

но с громадными трудностями. Отсутствие дождей внизу заставляет устраивать искусственное орошение. На бесплодные, голые каменные скалы приходится не только наносить удобрение, но и землю. Каменные или снеговые обвалы часто уничтожают весь труд земледельца.

Лезгины обладают большими умственными способностями и очень смышлены, и потому главным источником их благосостояния служит кустарный промысел. Приготовленные бурки, сукна, войлоки, ковры, вышивки по шелку, бархату, коже, изделия из серебра с чернью, разные безделушки с инкрустациями и насечками,— все это расходится по Кавказу, а оттуда и по всему свету.

Вся тяжесть труда лезгина-земледельца и кустаря лежит почти на одних женщинах.

Лишь только солнце покажется из-за горы, и „будун“ (помощник муллы), взойдя на минарет, закричит:

„Велик Бог! Велик Бог!
Свидетельствую, что нет Бога, кроме единого,
Свидетельствую, что Магомет есть посол Божий,
Приходите молиться,
Приходите к счастью.
Молитва полезнее сна.
Велик Бог! Велик Бог!
Нет Бога, кроме Бога“,—

как женщины встают и, нашептывая молитву, принимаются за свои многочисленные обычные работы: собирают на улице навоз, делают из него кизяки для топлива, убирают скотину, чистят коня своему повелителю, а потом, взявши кувшины, отправляются к фонтану за водой, где за болтовней немного хоть отдыхают. Мужчины тем временем встанут, произведут омовение, произнесут утреннюю молитву с двукратным коленопреклонением и, закутавшись в „сагулы“ (тулупы), снова засыпают. Лезгинки же, покончивши со стряпней довольно несложного завтрака, садятся

ткать сукно, валять бурки и войлок или отправляются в лес и на своих плечах притаскивают вязанки дров.

Мужчины, вообще очень мало занимающиеся делами, зимой положительно не ударят палец о палец. Во время сильных морозов горец сидит в своей темной сакле и не вылезает до тех пор, пока солнце не проглянет из-за гор. Когда же солнышко обогреет зимний холодный воздух, лезгин выходит и располагается на самом припеке. Греясь, он или бреет голову своему товарищу или просто-на-просто выщипывает волосы на щеках и подбородке, или же перебирает четки и созерцательно нашептывает молитву, а то так просто, растянувшись во всю длину, сладко дремлет под лучами солнца. Иногда такое мирное развлечение нарушается и сменяется более дикими.

Рябятишки, полунагие, грязные, наигравшись вдоволь, начинают стравливать собак; услыхав грызню, все сидящие на солнце стремглав бегут к месту травли и принимают самое горячое участие.

С закатом солнца все развлечения и занятия прекращаются, и население аула, скрывшись в сакле, располагается вокруг тлеющих в ямах посреди жилища кизяков, колючего бурьяна и самана. Только кой-где еще слышатся голоса ребятишек, доигрывающих какую-либо игру, да видны женщины с кувшинами, идущие за водой к фонтану. В ожидании ужина лезгин перебирает четки и шепчет молитвы. Ужин, как и обед, состоит из кусков пресного теста, „хинкалы“ из кукурузной или другой какой-либо муки. „Хинкалу“ варят в чистой воде и приправляют уксусом, чесноком и небольшим количеством соленого сыра. Когда ужин готов, мужчины, вооружившись спичкой вместо вилки, молча поедают „хинкалы.“ Вся же остальная семья, женщины и дети, молча сидят и ждут, когда желудки их повелителей наполнятся и им достанутся ос-

татки простывшего ужина. После ужина дети ложатся спать, а взрослые коротают время в разговорах о прежних битвах, об отчаянных схватках,

„О бранных гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Воспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей,
Удары шашек их жестоких
И меткость неизбежных стрел“:

(„Кавказский пленник“. Пушкин),

или же расказывают сказки, поют песни; когда же все это надоедает, то начинают между собою перебранку, которая часто переходит в кровопролитную драку. Если же нет рассказчиков, нет охоты молиться или же заводить ссору с своей женой, то лезгины следуют примеру детей и ложатся спать.

Так живет горец изо дня в день. Летом мужчины принимают некоторое участие в полевых работах. Они пашут и сеют хлеб, но убирать его предоставляют женщинам, которые на своей спине переносят весь урожай домой.

Положение женщины вообще ужасно; помимо тяжкой непосильной работы, которую исполняет, она никогда не пользуется любовью и уважением мужа. Полнейшее пренебрежение, беспрестанная брань, частые побои, жизнь впроголодь, малый отдых,—вот спутники семейной жизни лезгинки. Понятно, при таких условиях она дряхлеет и преждевременно старится. Горец, находя удовольствие в кровопролитных битвах и грабежах, вовсе не заботится о семейном счастье.

„Его стихия—кровь и бой,
Насильство, хищность и разбой,
И безначальная свобода“.

(„Чир-Юрт“. Полежаев.)

Выбирая себе жену, он не требует, чтобы она была умна, любила мужа, была хорошей матерью, но он имеет в виду, чтобы выбираемая им девушка была крепкая, сильная, а главное не ленивая. Насколько лезгин плохой муж по отношению к жене, настолько же он хороший отец к детям. Едва ли сыщется такой народ, где бы мужчины так любили детей, как горцы Дагестана. Они все время няньчатся с ребятами, особенно летом, когда матери бывают заняты полевыми работами. Не так отплачивают дети отцам за их заботливое попечение. Стариками лезгины страшно тяготятся и выказывают им самое грубое пренебрежение: они их не кормят, не обшивают, не обмывают; и все оскорбления, порой и побои, безропотно переносят престарелые родители от своих родных детей.

Все лезгины—магометане сунниты. Магометанство распространилось между ними с VIII в. и пустило глубокие корни, так что Дагестан, по выражению мусульманских ученых, сделался „рудником ученых и храбрых“. И действительно, секта „мюридов“ кристаллизировалась в этом руднике и превратилась в фанатическую, дикую, воинственную секту, наделавшую массу хлопот русскому правительству при покорении Кавказа.

Мюридизм, т.-е. „послушничество“, есть одна из религиозных стадий нравственного совершенства и состоит в полном отречении от своей воли, от своего личного „я“ и в подчинении велениям «имама», или шейха. Сначала послушничество это имело миролюбивое направление. Последователи его, на ряду с другими магометанскими обрядностями и богослужением, ограничивались совершением торжественного моления, называющегося „тарикатом“, в присутствии самого шейха. Происходит оно так. Шейх, после краткой проповеди, производит публичную исповедь: „Знаю, кто из вас неискренний мюрид,—говорит он,—вижу, как в

аду мучат его отца.... Вот, вот его бьют, вот в него вонзают раскаленные в огне кинжалы... и до тех пор будут мучить его, пока сын или дочь его не раскаются в содеянных грехах". И правоверные спешат принести покаяние, чтобы избавить отцов своих от мучений ада. После покаяния начинаются пение и религиозные пляски. Под звуки дикой музыки, по знаку шейха, все берутся за руки, составляют круг и начинают вертеться. Сначала мерно они покачиваются в такт бьющих барабанов, но затем, по мере того как музыка ускоряет темп, мерное покачивание переходит в бешеную пляску, доходящую до полного физического изнеможения. Имам же стоит и созерцательно молится. Во время этой пляски души молящихся сливаются с душою шейха, а через него—с самим Богом. По окончании этого обряда правоверные делают глубокий поклон в сторону шейха и расходятся.

Такие мюриды называются „мюридами по тарикату". Но это мирное учение прямо противоречило воинственным наклонностям независимых лезгин, особенно их предводителей, и не имело широкого распространения. Нужно было дать ему какую-либо воинственную окраску, чтобы оно развилось в громадную силу. Действительно, вскоре имамы стали проповедывать, что для чистоты религии необходим газават—священная война против гяуров-поработителей, против русских. Явились другие „мюриды"—наибские. От них не требовалось точного исполнения разных религиозных обрядностей, но требовалось строгое повиновение наибу; как бы ни были бесчеловечны и нелепы его приказания. Они клялись на коране: забыть узы родства, не щадить даже своих близких родственников, но свято и беспрекословно исполнять волю „имама". При таких условиях мюридизм быстро стал распространяться и охватил весь Дагестан и Чечню.

„Гремя через Кавказ пустынный,
Промчался клик: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идут они охотно,
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца".

(„Измаил-Бей". Лермонтов).

Увлекаемые фанатизмом, горцы бросали жен, детей и с дикой отвагой шли резаться с русскими. Павший в бою за веру считался мучеником—шагидом, и на его могиле ставился столб с надписью, увенчанный чалмой, и высокое остроконечное бревно в виде копья с длинным цветным флюгером, обращенным к востоку. Из четырех предводителей—вождей мюридизма—наиболее влиятельным и самым опасным для русских был Шамиль. Он обладал увлекательным красноречием, железной волей и невозмутимым спокойствием. В своих поступках с ранних лет он развил в себе ловкость и гибкость; смелость и проницательность дополняли его образ.

Сосредоточив в своих руках вместе с духовной и светскую власть, он объединил разрозненные племена горцев и с удивительной ловкостью вел партизанскую войну с русскими. Сколько раз русские войска окружали Шамиля и после неимоверных усилий брали крепости, в которых скрывался он (наприм., осада Ахульго велась 10 недель), но Шамиль уходил от преследования русских, пока, наконец, не сдался при взятии Гуниба.

Покорение мюридов потребовало у русского правительства несколько десятков лет упорной и настойчивой войны.

С покорением Кавказа, горец значительно изменился в своих воззрениях, привычках и стремлениях, будет ли то лезгин, чеченец, осетин, или кабардинец. Жить грабежом и разбоем нельзя стало, пришлось заняться сельским хозяйством, сеять и продавать хлеб

и разводить овец. От соприкосновения с русскими, жизнь которых обставлена лучше и удобней, и у горца явились новые потребности; он уже не удовлетворяется кусочком овечьего сыра с чуреками, темной низенькой саклей с земляным полом, черкеской из грубого домашнего сукна. Ему захотелось жить в светлой комнате, обставленной различными удобствами: столом, хорошими коврами, мягкими тюфяками и подушками; захотелось вкусной и сытной пищи, и под черкеской понадобилось чистое бѣлье. Чтобы удовлетворить все эти потребности, горца потянуло заняться торговлей, разными спекуляциями, службой, работой на фабриках и заводах. Он еще не забыл всех привычек своей дикой разбойничьей жизни, но уже теперь всюду сказывается тяготение к городу, к крупным торговым и просветительным центрам. Изменяет свою физиономию и самый Кавказ: возникают фабрики, заводы, рудники. Предсказание поэта, что человек

„Настроит дымных келий
По уступам гор,
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
Врежет страшный путь

(„Спор“. Лермонтова),

уже постепенно начинает оправдываться. Так, по сведениям за 1895 год, приблизительно число фабрик и заводов на С. Кавказе простиралось свыше 10.000 с производительностью в $13^1/_2$ мил. рублей и с армией рабочих в 22.000; в Закавказье же заводов и фабрик числится 9.500 с производительностью около 46 мил. рублей и с числом рабочих в 40.000 человек.

КАВКАЗ.

III.

Грузины

(карталинцы, имеретины, хевсуры, сванеты).

Адербейжанские татары, армяне, курды.

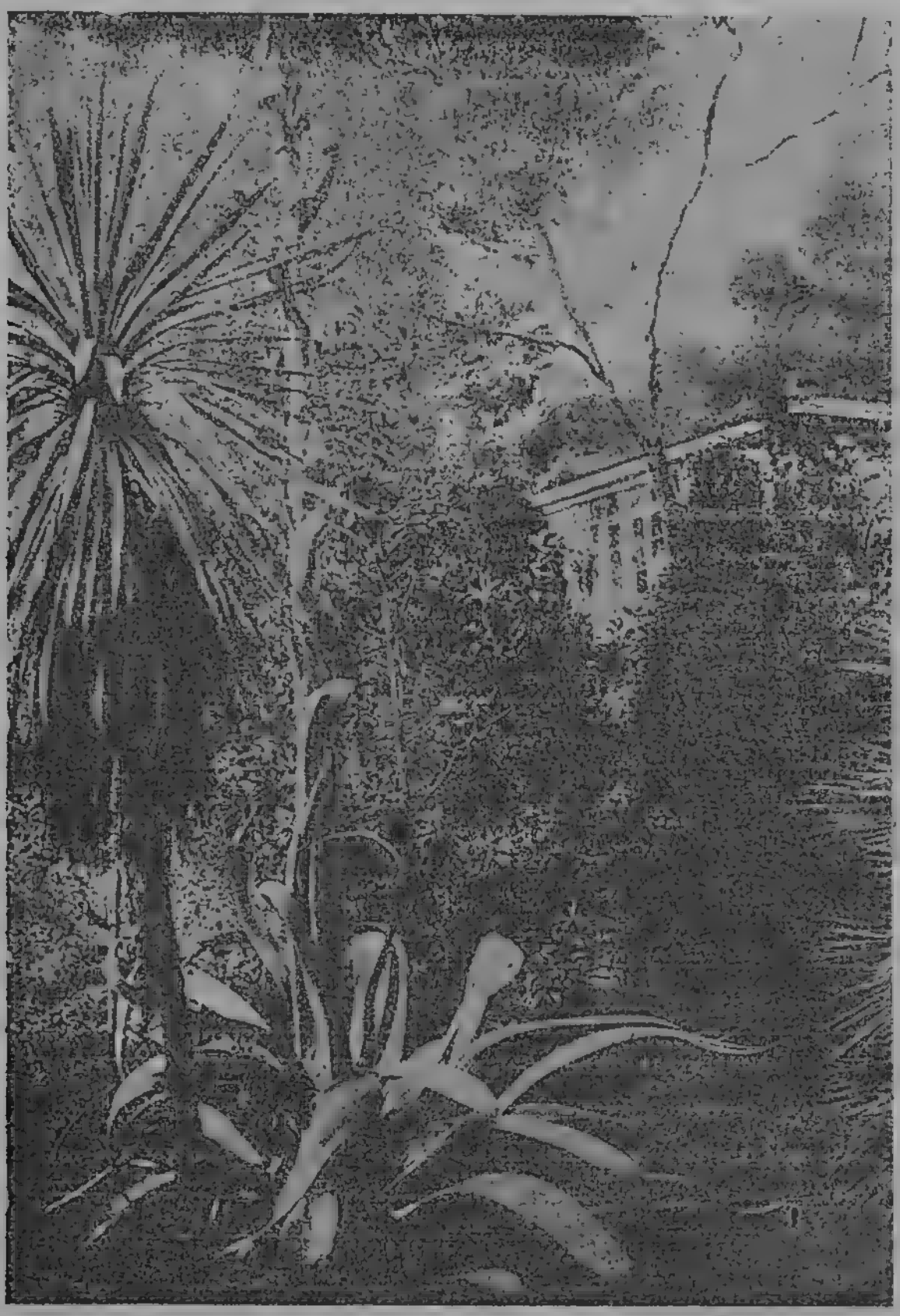
XIV.

Грузины.

Главными представителями Закавказского края являются народы картавельского племени, или грузины (карталинцы, кахетинцы, имеретины, гурийцы, месхийцы, сванеты, пшавы, тушины и др.), армяне и татары. Грузины заселяют обширные плодородные долины и низменности Закавказья, и только небольшая сравнительно часть их (хевсуры, пшавы, тушины, сванеты) забрались в дикие, бесплодные ущелья, вероятно, во времена опустошительных войн спасаясь от набегов монгольских и персидских орд. Армяне вместе с курдами живут на высоких плоскогориях Малого Кавказа, главным образом, в Эриванской губернии, а татары по обширным степным пространствам и склонам гор восточного Закавказья.

Обширная Черноморская низменность от Сухум-Кале до Батума тянется узкой береговой полосой, вдаваясь местами по течению рек глубоко в горы. Быстрые реки, текущие с гор, несут массу илу, песка и камней в море и осаждают ее при устье. Морской прибой приостанавливает их течение и гонит назад. Постепенно таким образом образовывается отмель, которая затем вырастает в земляной вал, высовывающийся из воды. Вал этот с течением времени увеличивается и соединяется с материком. Река поворачивает в сторону или течет по вновь образовавшейся почве.

Так с помощью морского прибоя и горных рек земля завладевает все большим и большим пространством, увеличивая береговую полосу на счет моря. Один Рион ежегодно приносит к морю около 800.000



Растительность Черноморского побережья (Драцены и агавы в цвету). Вышина цветка агавы от 2 до 3 арш.

куб. саж. ила и песка, и там, где еще в 1804 году существовала котловина футов в 50 глубиною, теперь находится суша, занятая портовыми постройками.

Вследствие незначительного уклона выпадающие в

изобилии атмосферные осадки не имеют достаточного стока и превращают низменность в сплошные гниющие болота, со страшно нездоровым климатом и свирепствующими лихорадками. На этих-то торфяниках и гниющих болотах растут исполинские дубы и ясени, от земли до самой вершины обвитые ползучими и вьющимися растениями. „Тысяча тысяч шнурков и нитей икалы ползут кверху, ложатся тяжелой перепутанной зеленой массой на головы зеленых же великанов, скрывают от них свет и солнце, душат, изводят их медленной смертью и затем сами умирают. Гигантский кавказский плющ, словно чудовищный удав, отвратительными серыми извивами обвивается кругом старого дуба. Где лес не решается приблизиться к берегу, там зеленый свод расступается, и на смену является густой, стоящий сплошной стеной кустарник. Чаща барбариса, терновника, облепихи прорезывается красивыми деревьями негноя и зарослями вечно зеленой кавказской пальмы; за колючие ветки кустарника цепляется во множестве кирказон со своими цветочками-башмачками и розовые головки мышиных стручков. В болотах и рвах, наполненных водой, плавают белые купавки, а из осоки выглядывают крупные красные лилии... Такова производительная сила этого плоского берега с вечно наполненной водою почвой, с душистым влажным воздухом, с частыми теплыми дождями, с горячим южным солнцем. Пусть хмель, плющ и икала осаждают лесных гигантов, ползут на них, глушат, давят и валят их, пусть ураганы и бури массами кладут их на землю,—быстро гниют в душном влажном воздухе их трупы, и еще быстрей на смену им вырастают другие полные силы и соков деревья“ (И. Каневский „Любопытные уголки Кавказа“).

Но не только побережье покрыто полутропической растительностью, но и широкая долина Риона, и узкие ущелья Бзыби, Ингура, Чороха и других рек, и склоны

окружающих гор имеют не менее роскошный растительный покров. Внизу произрастают ценный самшит, магнолии с огромными белыми душистыми цветами, прямой, как стрела, эвкалипт с голубыми листьями, стройные миртовые деревья, развесистый чинар, виноградная лоза, а выше дуб, ясень, затем березы, осины, исполинские хвои: сосны, ели, пихты, заросли рододендра с белыми и розовыми цветами, ползучая горная сосна, а потом расстилаются сочные альпийские травы с массою самых разнообразных свежих душистых цветов; на самом же верху мхи и лишайники чередуются с полосами еще нестаявшего снега.

Не мудрено, что эта богатейшая прелестная страна издревле привлекала иноземцев, желавших поживиться ее богатством, начиная с греков-аргонавтов и кончая современными коммерсантами всех наций, стремящихся к легкой наживе. Еще на заре истории край этот был заселен народами картавельского племени и, несмотря на протекшие века, на целые армии разных иноземных завоевателей, проходивших с огнем и мечом несколько раз всю страну, они сохранили свою народность, язык, нравы, обычаи, религию. Имеретины, мингрельцы, гурийцы, аджарцы, кобулетцы, лазы,— все это грузины, которых не могли истребить ни византийцы, ни римляне, ни турки.

Чем дальше углубляться внутрь страны на восток от Черного моря, тем бедней становится растительность. За Сурамским и Арсиянским хребтами она резко меняет свой характер. Дальше же, по долине реки Куры природа становится печальней и безжизненней и, наконец, переходит в совершенные степи, пустыни. Население ютится по берегам рек Куры, Аракса и друг., пространство же, лежащее в стороне от них, совершенно не населено и не возделано. Оно покрыто редкими кустами полыни, шпорника, верблюжьей травы и каперса. Жарким летом и эта жалкая растительность выгорает,

население уходит в горы, кочевья пустеют, и равнина принимает унылый безжизненный вид. Только чернеющиеся постройки из жердей свидетельствуют о том, что здесь бывает человек. Единственными обитателями остаются пугливые джейраны, рыскающие голодные волки, да гадюки греются на камнях, под которыми спрятались ядовитые скорпионы и фаланги.

Гагры.

Осенью картина меняется. Выпадающие дожди оживляют природу. Начинает зеленеть трава. Кочевники и их стада спускаются с гор, над зимовками появляется дымок. Множество перелетных птиц наполняют степь своим чириканьем, свистом и писком.

Таковы степи Ширванская, Муганская и Карабахская. Ранее, во времена расцвета армянского владычества, степи эти представляли культурные поля, засеянные разными хлебами, орошенные каналами из Аракса

и Куры и заселенные мирным земледельческим народом. Но с тех пор, каказиатские кочевники монголы выбрали эти степи своей зимней стоянкой и, частенько навещая их, жгли и грабили селения, мирное население разбежалось, каналы пришли в негодность, страна обезводела и превратилась в пустыню, оживляющуюся осенью и зимой. Только Ленкоранская низменность, загороженная

Главная пальмовая аллея в Синопском саду Сухума.

от соседних пустынь Талышинскими горами, на которых осаждаются все испарения Каспийского моря, напоминает собою по растительности и климату Рионскую долину, да боковые ущелья, по которым текут притоки реки Куры, являются вполне плодородными и в изобилии орошенными местами.

Роскошные долины рек Ляхвы, Ксани и Алазани по красоте и населенности оспаривают друг у друга пальму первенства. Это—древние Кахетинское и Карта-

линское царства, боровшиеся постоянно между собою из-за господства над всей Грузией. Тот, кому приходилось любоваться одной из этих долин, навсегда сохранит в своей памяти пышные сады и виноградники, склоны гор, покрытые с низу до верху богатейшей растительностью, и голубоватую реку, извивающуюся посредине серебряной лентой.

„Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали,
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Созвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений“
(„Демон“, Лермонтов).

Прелесть Алазанской долины усиливается еще тем, что она, примыкая непосредственно к главному хребту, обрамлена, как горностаем, вечными снегами зубчатых гор. Только злокачественные лихорадки да порой наводнение, „сэли“ делают жизнь в этой благословенной долине местами невозможной.

Явление „сэли“ заключается в том, что река, текущая по ущелью с глинистыми скатами, в сырую осень от проливных дождей вздувается и подмывает берега; глина сползает на дно ущелья и закупоривает теснину в узком месте; течение реки приостанавливается, уровень ее быстро повышается, пока под напором все увеличивающейся тяжести воды плотина не разрушается и громадный водяной вал устремляется вниз с ужасающею быстротою, увлекая за собою все на пути. Чудовищный горный поток из полужидкой грязи несется по ущелью; воздух сотрясается; камни, лежащие на пути, дрожат. Поля, сады, виноградники, усадьбы, словом все, что лежит на дороге бешеной реки, сносится, и испуганное население бежит вверх в горы и с ужасом смотрит на неистовства и разрушения грозного потока. „Сэли“ обыкновенно продолжается не больше получаса, высота же водяного вала достигает иногда нескольких сажен, и повторяется, к счастью, в одной

и той же местности не ежегодно, а приблизительно раз в десять лет.

О поселении грузин на Кавказе летописцы передают следующее: некий великан Торгамос, правнук Ноя и внук Иафета, поселился со своим потомством после столпотворения вавилонского в Закавказье, в долинах рек Риона и Куры. Один из его сыновей, Карталос, и был родоначальником картавельского племени. Насколько сказание летописцев справедливо, решить трудно, но о существовании грузин уже упоминается у пророков Моисея и Иезекииля, и, таким образом, грузины относятся к древнейшим переселенцам Кавказа. Первый царь, которого упоминают грузинские летописи, был Фарнаваз, царствовавший в III веке до Р. Х. При нем грузины исповедывали религию Зороастра, и у них был в Мцхете идол Армаза (Ормузд), которому они поклонялись. При царе Адерке, в I веке после Р. Х. (2—55 г.) в Мцхете распространился слух, что в Иерусалиме родился Сын Божий Иисус Христос, а лет тридцать спустя, к мцхетским же евреям прибыл посланный от первосвященника Анны, приглашавший сведущих в законе людей обсудить дела веры и наказать смертью нового проповедника. Посланные, Элиоз и Лонгиноз, прибыли в Иерусалим уже к распятию Спасителя и участвовали в метании жребия при дележе риз Спасителя. Хитон Иисуса Христа достался им, и они привезли его с собою.

Первые семена христианства заронили среди грузин евреи-христиане, бежавшие от преследования римлян; распространению же этого учения много способствовали Св. Андрей Первозванный и Симон Кананит. После ухода этих святых проповедников грузины опять обратились в идолопоклонников. В начале IV века по Р. Х. в царствование царя Мириана в Грузии появилась женщина, по имени Нина, начавшая проповедывать христианское учение. Под влиянием ее проповеди царь

Мириан крестился сам и крестил всех грузин, сделавши христианскую религию господствующей. С принятием христианства Грузия подпала под влияние Византии, продолжавшееся до VII века, когда арабы наводнили и опустошили страну. Во времена арабского владычества народ задержался в своем развитии, царской власти не существовало. Так было вплоть до X века, когда халифат стал приходить в упадок и Византия вновь усилилась.

С X по XII в.—время высшего политического и военного могущества, расцвета литературы, искусства, религиозной и общественной жизни. Зенитом же славы и могущества Грузии по справедливости считается царствование царицы Тамары (1187—1212). Еще при жизни отца, Георгия III, она принимала участие в управлении царством. Сделавшись же царицей, она вышла замуж за русского князя Георгия, сына Андрея Боголюбского, и правила царством со славой. Вот как восхваляет ее и ее царствование придворный грузинский поэт Шота Руставели:

„Льву подобна величавой
Силой мощи эта львица;
Правит Грузией со славой
Дева солнца и царица.
Блещет царская корона,
А в боях знамена вьются;
От златых ступеней трона
Правда, милость, блага льются.
Весь Восток поет ей оды;
Ей легко правленья бремя;
Век Тамары—век свободы,
Золотое наше время!...“

(Перев. Столинского).

„Господь из хаоса в шесть дней сотворил вселенную и на седьмой день опочил от дел своих, и это именно в нежной и мирной душе Тамары Он захотел найти себе отдохновение“. Так говорят летописи. Роковая обаятельная красота („как ангел небесный

прелестна") и благочестивая сдержанность—вот характеристика Тамары в поэзии.

По смерти Тамары Грузия подвергается опустошительным набегам монголов — сначала Чингиз-хана, затем Тамерлана и, наконец, с падением Константинополя—турок. Монгольское владычество стало сильно в стране. Цари грузинские возводились на престол и свергались монгольскими правителями со свойственным им деспотическим своеволием. Во второй половине XV в. Грузия распалась на три царства (Карталинское, Кахетинское и Имеретинское) пять и княжеств. С раздроблением она совершенно обессилела политически. Владетельные князья и цари тратили силы свои на междоусобную борьбу; страна изнемогала под гнетом непосильного бремени налогов, и разоренная, разъединенная Грузия представляла жалкую картину. С конца XV в. взоры Грузии стали обращаться к единоверной России с просьбой о помощи. Персы и турки мстили грузинам за их сношения с Россией. Россия же, удаленная от Грузии, не могла при всем желании подать руку помощи, и страна несколько раз под ряд разорялась свирепыми мусульманами. Народ упал не только политически, но и нравственно. Продажность, интриганство, мелкое самолюбие свили себе прочное гнездо как в верхних, так и в низших слоях общества. В этот тяжелый период истории Грузии, как блестящий метеор, блеснуло царствование могущественного, непобедимого царя из царей, Ираклия II (1721—1798), напомнившее золотой век Тамары. Но уже по смерти его Грузия не могла больше существовать; как трудно-больной после минутного просветления, она умерла политически, отдавшись под покровительство России, и зажила новой мирной, гражданской жизнью под защитой сильной державы.

Вообще грузины—довольно красивый народ. Хорошо сложенный, среднего роста, с темными или чер-

ными волосами, смуглым лицом, большим тонким носом, иногда с горбинкой и несколько загнутым концом, грузин производит выгодное впечатление. Но среди них имеретины, мингрельцы и гурийцы наиболее выделяются красотой и стройностью. Бороду и усы носят все мужчины, а к усам так имеют особую привязанность. Того называют бессовестным, у кого нет усов. Тип грузинской женщины, особенно мингрелки, один из изящных в мире; стройный высокий стан, миловидная головка, черные брови, карие глаза, необыкновенная белизна лица с нежным розовым оттенком, длинные, шелковистые волосы, вьющиеся по плечам, делают их весьма привлекательными.

Нрава грузины веселого. Живые и общительные, они любят попеть, поплясать, повеселиться в компании добрых знакомых, для которых не задумаются истратить последнюю провизию и запасы в доме. „Гость дороже друга", говорит грузинская пословица. Добродушные и впечатлительные, они очень доверчивы и откровенны до легкомыслия. К отрицательным сторонам характера грузин надо отнести леность, отсутствие энергии и/ предприимчивости и какую-то беззаботность. Одежда грузин у мужчин состоит из бумажной цветной рубахи и ситцевого архалука, застегнутого на груди и руках мелкими пуговицами, и суконных шаровар; сверх архалука надевают „гоху" с длинными откидными рукавами. На голове носят они баранью шапку—папаху или же маленькую круглую суконную шапочку. Головные уборы имеретин, мингрельцев несколько иные. Костюм же лазов, гурийцев, месхийцев, аджарцев похож на турецкий. На ногах они носят суконные или кожаные ногавицы или кожаные лапти, иногда сапоги из сырцовой кожи. Костюм князя отличается особенным богатством. Дополнением к одежде грузина, как и всякого жителя Кавказа, является пояс, на котором висят кинжал и пистолет, шап-

ка через плечо и газыри на груди. Женщины носят бумажную или шелковую рубашку, такие же шаровары, стянутые шелковым поясом, поверх надевается платье „каба“, подпоясанное цветной лентой, и, наконец, верхняя одежда. Характерной чертой одежды грузинки служит головной убор—„тавксаквари“—низенькая шапочка, часто бархатная, с вышитыми узорами, а у богатых украшенная драгоценными каменьями. Из-под шапочки на затылок спускается тюлевая косынка, „чикилы“, лицо окаймлено черными подвязными локонами. Пожилые женщины накидывают еще покрывало, „чадру“.

Грузинский мальчик (карталинец).

Грузины, как многие народы Кавказа, весьма неопрятны. Белье носят до тех пор, пока оно не свалится или до исключительного случая (женитьбы, праздника и т. п.). Женщины несколько опрятней мужчин. Селения грузин напоминают собою аулы других горцев Кавказа. Куча саклей, построенных в беспорядке, узкие проходы, заваленные кучею мусора, грязь и вонь кругом. Темная сакля внутри тоже грязна, с земляным полом, с отверстием наверху для дыма, с очагом посредине комнаты. Только жилища имеретин, мингрельцев и гурийцев, выстроенные большею частью из дерева, которым так богат западный Кавказ, носят печать некоторого удобства и простора и утопают в зелени садов и виноградников.

Питающие большую привязанность к отечеству вообще, а к семье в особенности, крестьяне грузинские живут громадными семьями. Большая грузинская семья, „ди-

ди-оджахи", живет в одной избе, „дарбази". Здесь они спят, варят пищу, обедают. Прежде число жителей „дарбази" достигало 100 человек. Одна старуха рассказывала, что знала семью, где в „дарбази" одновременно стояло до 25 люлек, теперь же подобные семейства—редкость. Управление такой громадной „диди-оджахи" лежит на выборных старших лицах в доме: мужской половиной заведует „упроси-кацн", а на женской—„упроси-кали". Возникновение таких семейных общин объясняется, с одной стороны, национально-родовыми понятиями, с другой—теми экономическими условиями, среди которых живут грузины.

Главное занятие жителей—земледелие. Глубокий и жирный чернозем требует тщательной обработки с массою рабочих рук и скота. Так, в каждый грузинский плуг „гутани" впрягают до 8 пар буйволов и быков, и требуется до четырех рабочих. Понятно, что только большой семье под силу такая обработка почвы. Все имущество, движимое и недвижимое, считается достоянием всей семьи, никто не имеет личной собственности. Исключение составляет приданое невесты (деньги, корова одна или несколько, постель и ковер); оно является личной собственностью женщины, деньги же составляют ее личный капитал, „сатавно". Приданым женщина распоряжается самостоятельно; ни семья, ни муж не имеют в нем никакого участия. Деньги она может пустить в оборот, и проценты с них увеличат ее „сатавно", животное она может продать и вырученными деньгами также увеличить свой „сатавно", но приплод от скота она должна делить с семьей: одну половину получает она, а другую—семья, на счет которой кормилось животное. Источником для увеличения „сатавно" грузинки являются еще учительские деньги, так называемые „саостато". Грамотная женщина берет из какой-либо семьи девочку для обучения грамоте и в последствии получает вознаграждение за труд от жениха своей

ученицы, в размере не менее трех рублей. Мужчины не имеют никакой личной собственности.

Хранителями всего добра, справедливости и порядка являются старейшины „упроси-каци“ и „упроси-кали“. Они следят за тем, чтобы в доме никто не терпел притеснения, обиды или унижения. Ради справедливости они с замечательной последовательностью соблюдают очередь для удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей сочленов семьи. Так, кто сшил себе платье, тот может надеяться на новую пару лишь тогда, когда в доме все остальные лица приобретут по платью. Кому случилось полакомиться вкусным блюдом, в виде, напр., курицы, тот не раньше получит это удовольствие вновь, как когда все остальные члены семьи испытают то же самое. Такой же порядок сохраняется и в отправлении религиозных потребностей, напр., хождении на храмовые праздники. Старейшины дают тон и направление всей жизни. От личных качеств и уменья управлять и вести хозяйство зависит счастье или несчастье семьи. „Упроси-каци“ распределяет все работы между членами дома, он же вступает в различные юридические сношения от имени „дома“, напр., заключает контракты, вступает в сделки, берет подряды и пр. Но во избежание разногласия он все-таки советуется со своими сочленами, по пословице, „что человек даже у стены спрашивает совета“. Мнения младших на таких советах не имеют решающего значения, и вообще в случае разногласия от „упроси-каци“ зависит, настоять ли на своем решении, или уступить большинству. Благоразумие, однако, требует, чтобы старейшина считался с мнением большинства, ибо в противном случае семье грозит распадение вследствие могущих возникнуть раздоров и неурядиц. „Упроси-каци“ также является от всей общины представителем на суде, перед начальством, перед церковью, обществом и в сношениях

между отдельными домами. В случае ссоры между отдельными членами семьи старшина вступает между ними в качестве третьего лица и путем убеждения старается их примирить. Судебная власть, прежде принадлежавшая „упроси-кацн“, с введением русского суда ими утратилась.

„Упроси-кали“ занимает второе место после „упроси-кацн“. На обязанности ее лежит внутренний порядок в доме, она заботится о всех женщинах, распределяет между ними работы, заведывает кладовой. Присмотр за кухней, посудой, мелкими животными, птицей, — все это находится в ведении старейшихи. Доходы от домашнего хозяйства и заработки женщин поступают в общую семейную казну, хотя „упроси-кали“ предоставляет право тратить и на нужды женщин или же на пополнение и образования „сатавно“ их. В случае неповиновения младших членов „упроси-кали“ ограничивается замечанием или жалуется матери непослушной, если та — девушка, и мужу, если она — замужняя.

Лазы.

„Упроси-кацн“ и „упроси-кали“ пользуются большим почетом и уважением, но это их не освобождает от обычных работ, если они только располагают свободным временем. Напротив, они своим усердием и трудолюбием подают пример младшим. Должность старшин дома есть выборная, по наследству не передается, и смещение их производится всеми членами семей-

ства в случае дряхлости или замеченных злоупотреблений и растрат.

Вообще умеренный в пище грузин во время пиршеств предается излишествам. Обычная пища простолюдина состоит из хлеба, зелени, фруктов и сыра. На семейных же торжествах и праздниках устраиваются настоящие пиры, где вино льется рекой. На тахтах, с поджатыми ногами, на коврах и войлоках вокруг очага зимой и в садах в тени дерев весной и летом располагаются грузины шумной компанией. Перед пирующими расстилается цветная скатерть; на ней разложены чуреки (пресный хлеб), турьи рога, цветы и зелень: крес-салат, чеснок, лук, красный перец, эстрагон, мята и др. Виноградные листья или тонкие и очень длинные лепешки, лаваши, заменяют тарелки. На лавашах разложены сыр, икра, тешка, вареная или жареная баранина. В Мингрелии и Гурии подаются в изобилии каплуны и цыплята, даже целые зажаренные бараны и телята водружаются среди расставленных яств. Вино пьют турьими рогами, вмещающими от трех до пяти бутылок, азарпешами (в роде суповой ложки) и кулами (грушевидный сосуд с узким горлышком). В качестве распорядителя пира избирается „толубаш", который произносит тосты за здоровье присутствующих и даже отсутствующих, пьет за упокой умерших, при чем проливает несколько капель вина на пол, и угощает гостей, сопровождая все это шутками и балагурством. Все требования „толубаша" должны исполняться беспрекословно. Пирушка сопровождается музыкой и пляской лезгинки под звуки „зурны" (духовой инструмент). Присутствующие слепые певцы, музыканты „сазандари" на своих нехитрых инструментах „гудах" (в роде волынки) развлекают гостей и поют про прелестные горы и леса Грузии, про славных и храбрых соотечественников, погибших в борьбе с турками и персами, про Тамару и царей

Арчила и Ираклия или повествуют об Авеле и Ное, о многострадальном Иове, об Исааке или же про то, как Амиран мучится, прикованный железными цепями к скале, и как пес лижет ему цепи. Порой же они поют и про свою горькую долю, смягчая и идеализируя печальную действительность:

„Взгляните, слепец—я, по жребий завидный
Мне послан на долю: я песню пою,
И вы, предстоящие, вы мне не видны,
Но вижу, как любите песню мою...
...Мне мрачно, когда озираюсь кругом,
Когда одинок я сижу молчаливый;
Когда же пред вами с открытым челом
Пою беззаботно, веселый, счастливый,
Тогда так светло на душе, так легко,
И горе тогда забываю и бремя,
И мыслью ношусь далеко, далеко,
И мчится, как мысль, невозвратное время!..“

Пирушка заканчивается джигитовкой и стрельбой в цель.

Главное занятие грузин, как я уже сказал, земледелие, торговля же находится в руках армян. В Картлинии, Кахетии, Месхетии обработка почвы гораздо труднее, нежели в Имеретии, Гурии, Мингрелии. Сеют пшеницу, ячмень, кукурузу и во множестве возделывают виноград. Несмотря на роскошный климат, на природу, щедро наделившую здесь человека, грузины бедствуют. Крестьяне в своих низеньких темных саклях коснеют во мраке невежества, болеют и живут впроголодь. Отсутствие медицинской помощи, доступной школы и каких-либо подсобных заработков сильно дает чувствовать себя грузинскому крестьянству. Положение так называемых „азнауров“, дворян, тоже не завидное. Живя прежде исключительно трудами крепостных, они проводили все время в охоте, битвах и пирах. С изменением же условий общественной жизни князья еще сохранили привычку попировать да покутить, но не успели привить другой привычки—привычки трудить-

ся. Положение таких „азнауров“ прекрасно выставлено в многочисленных грузинских комедиях.

Большинство грузин хотя и считаются уже несколько веков христианами и исполняют все предписываемые церковью обряды, но в глубине души остаются все теми же язычниками, у которых вера в сверхъестествен-

Аджарец.

ные силы и разные суеверия еще не вытеснена христианскими догматами.

Религиозные воззрения грузин обнаруживаются, как и у других народов, в тех обрядах и верованиях, которыми обыкновенно сопровождаются различные праздники и события семейной жизни. Для пояснения приведу описание некоторых. Начну со свадьбы. Сосватавшийся гру-

зин в назначенный день для венчания собирает родственников и знакомых, „макреби“, и отправляется к невесте. Венчание происходит всегда в приходе невесты, а потому жениху, который на все время свадьбы носит название „мепе-царя“, приходится ехать верст за 80—100. По пути все, что ни попадается на дороге—овцы, коровы, куры,—забирается свитой жениха и режется в честь „мепе“, который должен за все рассчитываться. По прибытии в дом невесты, после разных обычных свадебных церемоний молодые отправляются венчаться. При выходе из дома и во все время пути до церкви над головами их держат крестообразно обнаженные шашки. В церкви же шашки эти кладут на разостланный перед аналоем кусок шелковой материи, и брачущиеся становятся на них. Перед обрядом венчания священник вместе с посаженным отцом скручивают два тонких шнура—„нарота“ и кладут на аналой. Венцы привозятся свои, и жених предварительно выкупает их у служанки невесты. По возложении венцов священник надевает на шею жениха и невесты „нароты“ и концы их скрепляет восковой печатью. Этим самым он возлагает на молодых обязанность хранить целомудрие. При возвращении их из церкви в дом невесты в дверях молодых встречает одна из родственниц и дает им откусить немного сахару с пожеланием прожить и состариться так же сладко, как сахар. Все свадебные обряды сопровождаются пением, пляской, стрельбой и громадными истреблениями вина. „Пейте, господа, спасайте Божий дар от порчи. Не для того вино дано человеку, чтобы обращать его в уксус... Я знаю ваше доброе сердце. Вам трудно отказать моей убедительной просьбе“,—говорит толубаш на свадебном пиру, и гости, не имея права отказываться, пьют до тех пор, пока не свалятся и не заснут. „Покойся, милый друг,—говорит такому толубаш,—смерть есть начало бессмертия“. Если гости

недовольны свадьбой и угощением, то, не скрывая своего недовольства, высказывают его жениху при прощании. „Жених,—говорят они,—твой венец благословен, но пояса наши затянуты туго, потому что животы пусты“...

Рождение мальчика, так же как и у других кавказских народов, встречается с восторгом—ружейной пальбой; появление же девочки на свет, наоборот, страшно опечаливает родителей, и они считают это гневом Божьим.

Похороны у грузин сопровождаются следующими обычаями. Со смертью одного из членов семейства ближайшие родственники рассылают гонцов с извещением родным и знакомым о постигшем несчастии и с приглашением их на оплакивание. Оплакивание это продолжается несколько дней, а иногда и всю неделю и совершается таким образом: несколько человек из почетнейших соседей выбираются в „мимгебели“ для встречи и приема приезжающих; один—в „чихаули“ для наблюдения, чтобы во время оплакивания все были достаточно накормлены. Все же остальные называются „мезаре“ (в роде певчих); они составляют несколько хоров, из которых одна часть становится около гроба и тянет непрерывно „зори“—пение, выражающее скорбь; другая же располагается на дворе и пением той же „зори“ сопровождает прибывших вновь плакальщиков в саклю ко гробу. Во время оплакивания у крыльца стоит лошадь покойного, оседланная обратно—лукою к хвосту (она после отдается священнику или лучшему другу). Подле лошади стоит слуга, вооруженный оружием покойного, надетым на нем вверх ногами. В самом доме, в одном из углов комнаты, где стоит покойник, под навесом из черной материи сидят родственники умершего, одетые в лучшие платья, с распущенными волосами, растегнутыми рубашками и обнаженной грудью. В соседней комна-

те ставят куклы—„нишнеби“, изображающие собою мужа или жену, если умерший—женатый, и одну куклу, если покойный был холостой. Эти куклы одевают тоже в лучшие одежды. Когда окончится очередной плач, то, прежде чем вынести покойника из дома, поднимают плач всеобщий. Каждый старается перекричать своего соседа; шум, крик и неистовые движения наполняют комнату. Родственники плачут и кричат, соседи бьют себя в грудь, головой об стену и рвут на себе волосы. Лица, бывшие в разладе с умершим, до крови царапают себе лица, выражают намерение броситься в воду и ругаются, когда их удерживают от этого. Все эти жесты и плач должны показать крайнюю скорбь об умершем. В Имеретии при выносе из дома покойника разбивают несколько стекол в окнах. Близкие же родственники босиком идут за гробом, хотябы в это время был снег или мороз. В знак траура родные постятся в течение года, носят черное грубое платье, избегают общества и развлечения.

Из праздников, которые справляют грузины, наибольший интерес представляют следующие.

Новый год. Торжество этого праздника начинается при закате солнца ружейными выстрелами, за которыми следует всеобщий крик, шум и суета. Ночью хозяйка торопливо прядет пряжу, а хозяин развлекает ее приятной беседой. Кончив работу, они оба подкрадываются к спящим детям и перевязывают им руки пряжей; затем молча обвязывают ниткой всю посуду и главный столб „деда-бодзи“ (мать-столб), поддерживающий избу. Этим они желают выразить, чтобы все члены семьи и их состояние остались целыми и невредимыми. Нитки не снимаются в течение трех дней. Когда же начнет рассветать, то старейшины будят всех, а сами в суматохе незаметно удаляются из сакли. Через несколько времени у дверей раздается стук; проснувшиеся спрашивают три раза: „Кто там и что несешь?“

—„Счастье и благоденствие приношу семье“, слышится ответ. Удовлетворенные таким ответом, они приглашают войти стучавшегося и при этом говорят: „Стезя твоя да будет стезей ангела в нашем доме“. Вошедший приносит кувшин с водой и корм для птиц, смоченный водой, и несколько веток орехового дерева. Кувшин с водой он ставит в шкаф или на полку, ветки—в „сакане“ или „бечели“, где хранятся мука и зерно, а кормом обсыпает все углы дома, приговаривая: „Господи, курмухская церковь, дай нам хлеба и благословения.“ Затем вся семья садится вокруг очага, старший раздает накануне приготовленные ореховые ветки каждому члену, и сам первый кладет ветвь в огонь; его примеру следуют остальные. Треск ветвей сопровождается благоговейными словами: „Господи, размножь нас и пошли обилие в наш дом, будь милостив к нам!“ Две ветки оставляют и прячут. После этого на рассвете готовят „таблу“—жертву. На поднос кладут хлеб, лепешки, тарелку меду, масла, кувшин вина, красные и белые нитки и идут поздравлять с Новым годом сад. Здесь все останавливаются перед виноградной лозой, дающей обильные плоды, обрезывают ее, землю около нее поливают вином и режут у корня петуха с красными перьями, которые потом привязывают к лозе. При этом произносят молитву: „Господи, курмухский св. Георгий, не оставь наших кувшинов без вина!“ Возвратившись из сада, едят крендели, специально для каждого приготовленные в форме топора, серпа, самопрялки и т. п. Крендели эти готовятся также и для животных и раздаются по принадлежности. Так крендель, назначенный птицам, оставляют на крыше, а крендель, испеченный для коровы, несут в хлев и сначала надевают ей его на рога, а потом дают есть, приговаривая: „Живи долго и невредимо, да сохранит тебя курмухский св. Георгий“. К обеду ждут поздравите-

ля „меквле“, человека, считающегося в глазах народа наиболее награжденным судьбою, т.-е. счастливчика, баловня судьбы. До его прихода никого не принимают. „Меквле“, поздравив с Новым годом, достает спрятанные ветки, кладет их в огонь и при треске выражает пожелание, чтобы Бог даровал приветствуемым им членам здравие и обильный урожай. Его угощают сластями, а он подносит яблоко, утыканное серебряными монетами. В этот день никому и ничего не дают взаймы и не принимают подозрительных людей.

На масленице пекут простые хлебы „назуки“ и сдобные „кади“. На дворах устраивают качели, по улицам же ходит мальчик, наряженный стариком, называемый „берика“. Он пляшет и кривляется перед каждым проходящим, выпрашивая денег. Этот же „берика“ иногда участвует в хороводах и тогда носит название „дато“ (медведя). В селениях молодежь рядится и ходит по деревням с пением и пляской. Партия ряженых состоит из „бери-кееби“ и „гори“—свиньи, т.-е. человека, наряженного свиньей; на него надевают свиную голову с огромными зубами и свиные шкуры в виде чехла. Придя в дом, ряженые начинают пляску, а „гори“ бегает вокруг них и бьет своими клыками настолько сильно, что на клыках остаются клочки тулупа. „Бери-кееби“ бьют свинью деревянными саблями до тех пор, пока она не притворится убитой. После победы над свиньей „бери-кееби“ заходят в „моран“ (место приготовления и хранения вина) и пьют вино; такое самовольство им не запрещается. Хозяева дают ряженым яиц и, передавая их, выщипывают из бороды „берики“ волос, который кладут в курятник для того, чтобы лучше неслись куры. Если случается, что две партии ряженых встречаются друг с другом, то между ними происходит драка, во время которой одолевшие отнимают у своих противников все собранное.

В последний день масленицы ряженые предаются кутежу и уничтожают все набранное в течение недели.

В четверг на масленице, в день св. Шио, существует обычай изгонять мышей из дома. Хозяйка берет в одну руку сдобный хлеб, а в другую—прут шиповника и обходит вокруг комнаты, постукивая прутиком и приговаривая: „Мышь, мышь, выходи!“ Обойдя все углы, она передает хлеб и прут мальчику, который ожидает ее у дверей. Взявши хлеб с прутом, последний бежит без оглядки за деревню, иначе мыши могут опять вернуться домой, и там съедает хлеб, а корку, воткнув на конец прута, бросает.

В крепостное время в Прощеное воскресенье, вечером слуги приходили к своим господам с „палахою“ (палка с слабо натянутой веревкой, употреблявшаяся для битья по пяткам) и производили экзекуцию. Господа же, обязанные вполне повиноваться своим слугам в этот день, щедро откупались, чтобы избежать наказания „палахою“.

На Страстной неделе, в ночь со среды на четверг, совершают обряд „кудианеби“, в котором главную роль играет нечистая сила. Про появление нечистых грузинские легенды рассказывают следующее. Одна из жен царя Соломона влюбилась в Кундзулеля „моурава“ (правителя бесов) и задумала убить царя. Замыслы ее были открыты, и Соломон, призвав к себе начальника бесов, сказал ему, что если он наполнит принесенный медный кувшин всеми своими чертями, то получит царицу. Кундзулель обрадовался такому предложению, собрал всех бесов (три дня и три ночи шел розыск чертей), напихал их в кувшин, но до верху не наполнил. „Полезай и ты уже вместе с царицей“, сказал царь. Сатана влез. Соломон закрыл кувшин крышкою, запечатал печатью и велел бросить на дно моря. С тех пор не стало на земле нечистой силы. По прошествии пятнадцати веков как-то раз

рыбаки выловили этот кувшин; они подумали, что это—клад, и разбили его. Темной тучей рассыпались черти из кувшина, и те, которые в суматохе попали в воду, сделались водяными; попавшие в лес —лешими, и т. д. С этих пор всюду они проникли и совершенно овладели землей. Чтобы оградить себя от их козней, нужно перепрыгивать через огонь. Поэтому грузины в среду на Страстной неделе вечером,—время, когда, по их понятиям, ведьмы и черти более всего опасны,—на дворе зажигают костры из соломы, и все домочадцы—от шестидесятилетних старцев до пятилетних ребят—три раза перепрыгивают костер. Перепрыгивание сопровождается ружейными выстрелами и заклинаниями, состоящими из повторения слов „ари—урули—урули—урули кудианеби“ (означающее проклятие кудианебам).

1-го мая и в Вознесение девушки гадают, а мужчины в день Вознесения занимаются скачкой.

7-го мая, по поверию грузин, бывает такой дождь, от которого вырастают чрезвычайно длинные волосы. Весь этот день молодые девушки, с открытыми головами, танцуют до упаду на кровлях дома, ожидая орошения своих волос.

Для лечения болезней грузины имеют целый лечебник всевозможных суеверных средств, порой причиняющих сильнее страдание, нежели облегчение. Так, например, от подагры надо достать лапку зайца, убитого накануне Рождества, и носить ее несколько дней. Если болит правая нога, то надо носить левую заячью ногу, если левая—то правую. От ревматизма надо живую змею поджарить на сковороде и добытым таким образом жиром производить втирание, пока не получишь облегчения, или, по крайней мере, до тех пор, пока не надоест. От золотухи ребенка бреют, надевают на голову холстинную ермолку, пропитанную смолой, и в таком виде оставляют его на две недели.

Потом, когда смола прилипнет, ермолку разом срывают с головы. Эта операция, говорят, очень помогает. Лихорадку прогоняют десятью зубками чеснока, который толкут, мещают с медом и дают больному натощак. Целый день больной не должен пить, несмотря на сильную жажду, иначе лекарство не подействует.

От глухоты прикладывают к уху корень травы „хариз-дзири“; корень этот необходимо держать крепко, ибо он имеет такое влечение к больному уху, что может вырваться из рук и проникнуть в голову больному. Укушенный бешеной собакой бросается к зеркалу, и если в нем увидит собачью морду вместо своего лица, то уверен, что он умрет, а если наоборот, то считает себя выздоровевшим. Мигрень представляется в образе быка, грызущего железо. Для лечения надо написать на лоскутке бумаги молитву: „На краю сенокоса завелся мигрень, грызущий железо, как вол сено. Св. Георгий, прокляни его, чтобы на утро он исчез“. Затем намочить эту бумажку в уксусе и приложить ко лбу.

Особенную целительную силу в народном лечебнике имеет птица удод. Если поймать ее во вторник, а в среду зарезать и высушить каждое перышко и косточки птицы, то они обладают свойством различных талисманов. Кто имеет в своем кошельке гребень удода, будет иметь всегда успех в суде; владеющий клювом удода и пришивший ниткою часть его к рукаву может, когда захочет, избавиться от соперника в любви и избежать всяких ссор и треволнений. Носить на рукаве правый глаз удода значит пользоваться всегда расположением своего господина. Колдовство исчезает, если мозгом удода окурить заколдованное место. Кто на правом рукаве будет носить язычок удода, тому нечего бояться отравы.

До сих пор я говорил о грузинах, жителях долин, не касаясь тех, которые засели в горах. В виду же

того, что последние, благодаря своей изолированности, лучше сохранили старинный строй жизни, обряды, верования и даже костюмы, напр., хевсуры, то я и считаю не лишним сказать несколько слов о хевсурах, жителях гор восточной Грузии, и сванетах, горных обитателях западной Грузии.

Местность, где живут хевсуры,—верховья Арагвы, Иоры и Алазани,—представляет (по описанию кн. Эри-

Типы хевсур.

стова) дикую и печальную картину. Громадные цепи скал скудно обросли по берегам рек соснами; кругом множество пропастей и узких безвыходных ущелий, до которых редко достигают лучи солнца; ревущие потоки, покрытые во многих местах снежными, обледенелыми обвалами, по которым приходится проезжать, как по сводам, и едва-едва проходимые тропинки допол-

няют суровую картину природы Хевсутии. Хевсурские селения близко напоминают аулы своих соседей дагестанцев: они также построены на уступах скал, подобно орлиным гнездам. Внутренность их хижин и вся домашняя обстановка напоминает собою внутренность и обстановку саклей других обитателей нагорного Кавказа, но обилием грязи и неряшества они превосходят их всех. Вонь от скота, который стоит тут же, в одной сакле с людьми, навоза, сыворотки, плохого сыра, миллиарды блох и десятки белых мышей, бегающих по потолку и обсыпающих сидящих сажей, составляют непременную принадлежность хевсурского жилища.

Высокого роста, смуглые, с большим горбатым орлиным носом, хевсуры производят внушительное впечатление. Женщины их хотя и не отличаются нежностью, щеголеватостью и кокетством, так как окружающая природа не наделила их этим, но мужество их и геройское выражение лица невольно обращают на себя внимание.

Костюм хевсура настолько интересен, что я опишу его более или менее подробно. Состоит он из суконной красной рубахи, поверх которой надевается чоха черного, синего или красного цвета с короткими разрезными рукавами и сборками на них, на груди и плечах чохи иногда нашиваются красные кресты из бязи. Короткие и узкие штаны из черного сукна, обшитые тесьмой, на ногах ногавицы из разноцветной шерсти и башмаки с переплетенным низом; на голове низенькая опушенная мехом шапка, с нашитым сверху крестом, дополняют обычный костюм хевсура. Когда же он идет на битву с врагами, то надевает на голову шишак с сеткой, покрывающей шею; панцырь или сетчатую рубашку, стальные нарукавники, налокотники, наколенники, щит, шашку с поясом, меч или палаш с поясом же и стальное кольцо

с зазубринами, надеваемое на большой палец правой руки, на случай если придется драться в рукопашную.

Хотя хевсуры и занимаются земледелием, но суровый климат делает занятие это почти невозможным. Чтобы посеять несколько зерен ячменя, хевсуру надо взобраться на какую-нибудь высокую скалу с сохою, парою малорослых быковъ и бурдюком воды, чтобы напоить скотину. Зато лугами и пастбищами Хевсурия богата, а потому скотоводство составляет главное занятие жителей. Насколько скотоводство у хевсур играет видную роль, можно судить по тому, что у них не ведется счет ценности по общепринятым денежным знакам, а скотиной, из которой корова принимается за единицу ценности и считается у них равной 10 рублям. Так, например, одна кобыла = 4 коровам или 40 руб., один мерин = 6 коровам. Баран составляет более мелкую единицу стоимости, а именно 2 р. 40 к., так что 25 баранов = 6 коровам.

Хевсур въ полном вооруженіи.

Большая часть труда лежит на женщинах. Начиная с первого дня свадьбы, жена хевсура обязана вынести навоз, принести дров и сена, и вплоть до самой смерти она не освобождается от этих тяжелых работ. Веселья для нее не существует, она не должна плясать, так как, по понятию хевсура, женщине стыдно прыгать. Он утверждает также, что женщине неприлично и верхом ездить, поэтому нередко можно встретить едущего мужчину, за которым идет женщина (будь ли то молодая жена, или старуха-мать), держась за хвост лошади и сгибаясь под тяжестью ноши. Вооб-

ще женщина у хевсура—полнейшая раба, муж может во всякое время прогнать свою жену.

Так же как и у других кавказских народов, у хевсур в обычае похищение невест, кровавая месть, гостеприимство; обычаи же приобщения новобрачных к домашнему очагу, почитание покойников, кормление их, т.-е. поминки, составляют, подобно осетинским, выражение родового единства. Хевсуры, как и их соседи тушины, пша-

Хевсурка.

вы, не знают ни сословий, ни крепостной зависимости. Грубые и воинственные, они надменно относятся к окружающим их народам, считая себя лучше и храбрее других. Религия хевсур есть смесь христианства и язычества. Уважая крест Христов, св. Георгия, свв. ап. Петра и Павла, Михаила Архангела, они в

то же время поклоняются олицетворенным силам природы: Анатари, Нахарела, Пиркуши и др. В церковь редко кто заглянет, но зато редкий хевсур пропустит праздник, справляемый при капищах.

Капища эти представляют четырехугольную большую комнату без окон, сложенную из плитняка. Ни образов, никакого намека на христианский храм внутри нет, только серебряные и другие кувшины, из которых пьют пиво и водку, да „броша“, род хоругви, составляют обстановку капища. Снаружи оно украшено рогами жертвенных животных. К главному храму примыкает пристройка, в которую могут входить только жрецы—„деканозы“. Кроме жрецов, при капищах бывают „кадачи“—предсказатели или предсказательницы. Особенно фанатичны последние. Они всходят на горы, бьют себя камнями в грудь, кричат, неистовствуют, беснуются и в исступлении произносят слова, которые присутствующими считаются за пророческие.

О загробном мире—„стране душ“—у хевсура сложились такие представления: чтобы попасть туда, надо перейти трудно проходимый „волосяной мост“, соединяющий два мира, два света,—здешний и загробный. Грешные не могут пройти по этому мосту, они падают с него в дегтярную безбрежную реку, где будут вечно плавать, бороться, захлебываться. Праведники же благополучно переходят и попадают в рай. Это—огромная, многоэтажная белая крепость, достигающая до небес. Здесь они размещаются в разных этажах по заслугам. Самые праведные живут в верхнем этаже крепости и наслаждаются в изобилии светом, менее праведные живут ниже, и т. д. Все время проводят они в веселии, играют, пляшут и пьют ключевую, как кристалл, воду. „Тот свет“ хевсуры высоко чтут, считая его чистым, светлым обиталищем, а самую смерть—переходом души из нечистого здешнего мира в чистый, загробный. Душа чиста, а тело—труп, смрад, нечистое

вещество; поэтому хевсур трудно-больного, находящегося при смерти, выносит из сакли на двор, не взирая ни на какую погоду, и оставляет его там до наступления смерти. Допустить же до того, чтобы он умер в хижине, значит осквернить ее.

Как ни хорош загробный мир, но смерть считают большим несчастием. Умершего оплакивает все селение.

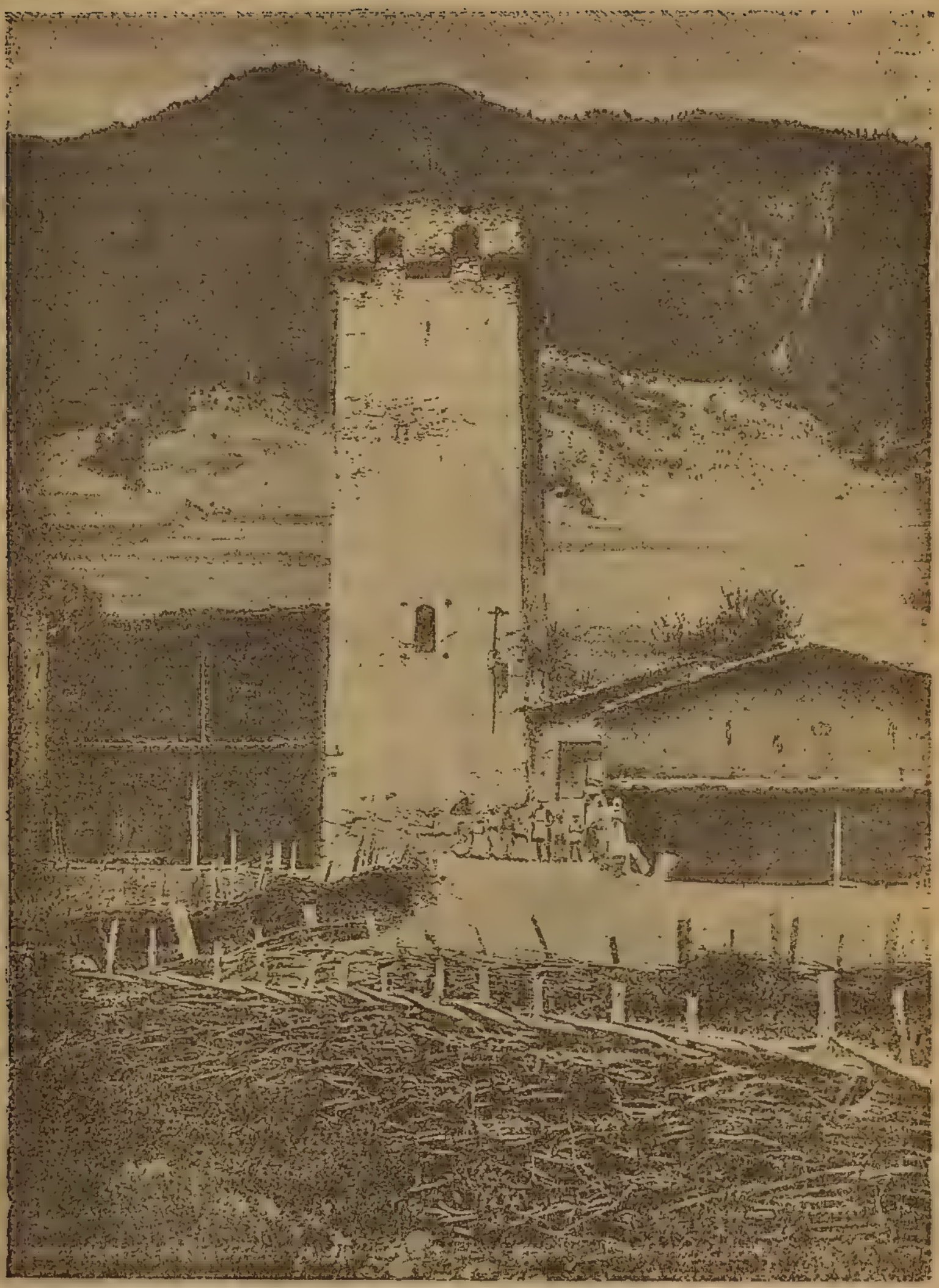
Хевсур в древнем вооружении (в железной кольчуге и со щитом).

Мужчины, прикрыв полами одежды лица, тихо плачут, высказывая свои сожаления, а порой и укоры: „Тверу,— произносят они,—и не стыдно тебе было умирать!“ Женщины же рыдая произносят громко похвалу его деяниям. По смерти душа умершего посещает свой дом в течение года. Для этого ей нужна лошадь, провизия, огонь, табак и полное вооружение, как и

вообще для того, чтобы разъезжать на лошади в загробном мире, встречать новых умерших и расспрашивать их о новостях этого света. Вера в такое странствование души настолько сильна в хевсуре, что он еще при жизни часто устраивает примерные похороны и поминки, приглашая духовенство и односельчан. При этом выполняется весь обряд погребения над мнимо-умершим, после чего хевсур прячется за двери, зажмуривает глаза и слушает, как справляют по нем тризну и как поминают его.

Сванетия занимает высокое горное пространство между Сванетским и Главным хребтом, по верхнему и среднему течению Ингура, притока Риона—Цхенис-Цхали. Она разделяется на Вольную, Дадиановскую и Княжескую. Наибольшей дикостью и недоступностью отличается Вольная Сванетия. Представляя из себя высокую горную речную долину, огороженную высокими снежными хребтами, Сванетия большую часть года недоступна. Единственная тропа, по которой можно проникнуть в страну, это—Латпарский перевал, находящийся на высоте 9.200 фут. и свободный от снега в течение трех летних месяцев. Девять же месяцев в году Сванетия засыпана снегом и отрезана от окружающего мира. Ущелья с отвесными скалами и быстро мчащимися по дну их горными речками; богатая лесная растительность внизу и роскошный ковер альпийских лугов наверху, перемешанный с белыми, блестящими вечными снегами; крутые подъемы по узким головоломным тропинкам с крутыми же спусками вниз по каменной, вырубленной в скалах лестнице; зыбкие, сделанные на скорую руку мосты через бешеные речки и, наконец, селения с целым лесом высоких башен составляют характерный пейзаж Сванетии.

Эта страна, долго служившая приютом и надежной защитой грузинам в бедственные времена набегов и войн, населена диким, детски-наивным и бедным наро-



Сванетское селение.

дом, сванами, среди которых много кретинов и пораженных зобом. Босой до колен, в рваных холщевых штанах и рубахе, в безрукавке из медвежьей или козлиной шкуры, надетой шерстью вверх, с закутанной башлыком головою, с палкою в руках, сван производит впечатление какого-то человека каменного периода, когда люди одевались в звериные шкуры и не знали другого оружия, кроме палки и камня.

По своему характеру и образу жизни они еще более походят на первобытных людей. Детски-хитрые, они в то жевремя наивны до ребячества. Упрямство, любопытство, болтливость и суеверие дополняют характер сванетов. Они любят серебряные монеты—абазы, но еще более табак и водку. Воздержанные в еде в обычное время, когда пищей служат небольшие пресные лепешки, по окончании полевых работ, с наступлением зимы, они предаются обжорству и пьянству.

Хотя они и считаются христианами, но христианство их скорее можно назвать грубым идолопоклонством, чем высоко нравственным и идейным учением Христа. Они почитают иконы и церкви, но относятся к ним с каким-то суеверным страхом, боясь к ним прикоснуться. К иконе сванет не прикладывается, а, шепча молитву, целует воздух. Свою церковь и все находящееся в ней он ревниво оберегает и не дает из нее ничего вынести; даже осмотр своих церквей они не допускают, так как боятся, чтобы оттуда чего-нибудь не похитили, но зато не считают грехом ограбить церковь в соседней Мингрелии и Имеретии и украденным украсить свой храм. Внутренность сванетской церкви поражает своею грязью. Обыкновенно в трапезной среди сора, нечистот и костей видны следы костров, на потолке на длинных жердях висит множество рогов жертвенных животных. В самой церкви темно, грязно и мерзко. Иконы в иконостасе страшно закопчены и покрыты пылью, вместо царских врат висит завеса, перед со-

леею амвона возвышается громадный деревянный крест, обыкновенно увешанный образками грубой работы. По углам церкви стоит оружие, стрелы, шестоперы, кистени, палицы, а по стенам и на потолке висят турьи рога, бараньи челюсти и т. п.

В храм сванет редко заходит, а если и заглянет, то в шапке, с трубкой во рту, и стоит или совершенно равнодушный к происходящему богослужению, или же совершает свои обряды, ничего общего не имеющие с христианскими; так, напр., прося у Бога милости, он при кладывает к образу кусок шашлыка. Призыв на молитву или на какое-либо общественное собрание производится посредством громадных труб «санквири». Небезынтересным является и знамя сванет, хранящееся в церкви св. Георгия Месхийского общества. Оно представляет из себя хоругвь, на древке которой сделана надпись: „Да ублажит Бог соединенную счастливую долину льва, главу хоругви, со знаменем нашего великого монастыря“. Самая хоругвь представляет сшитое из шелковой материи чучело льва, у которого пасть и зубы сделаны из железа. Во время празднеств хоругвь эту выносят из церкви; один из самых сильных людей берет ее, садится на лошадь и скачет против ветра; чучело надувается и ясно обрисовывает фигуру льва. Надуть это знамя считается большой славой.

При принесении присяги сванет прежде входил в церковь и бросал пулю в образ, говоря: „Если изменю, да поразит меня эта пуля“; теперь же обыкновенно после молитвы обмывают чтимую икону водой и дают присягающему выпить.

Главные занятия жителей — земледелие и скотоводство; земледелие ведется самым примитивным образом и столь же примитивными орудиями. Сванетский плуг, это—просто-напросто сук дерева, которым он ковыряет землю, а борона представляет плетенку, в которую вделаны острые камни. Дополнением к не-

Типы сванетов.

сложному хозяйственному инвентарю служат сани; это—единственный экипаж, на котором возможно что-либо перевозить по узким каменным тропам страны.

Суровый климат и каменистая почва не всегда вознаграждают труд земледельца, так что случаи голодовки в Сванетии—нередкость. Земля требует тщательной обработки и удобрения, и при бедности населения скотом навоз имеет большую ценность. Обычное приданое девушки составляет разжиженный навоз.

Похищение невест, кровавая месть, гостеприимство так же свойственны сванету, как и окружающим его

Группа сванет.

соседям. Прежде убийство детей женского пола было в обыкновении, так как сваны убеждены, что за убийство девочки Бог вознаградит их рождением мальчика.. Появление на свет сына сопровождается ликованием; крещение раньше заменялось обычаем, при котором отец бросал в колыбель две пули—одну за себя, другую за сына—и давал ему имя.

Сван, которому приглянулась замужняя женщина, может ее взять себе. если он улучит момент и при-

вяжет ей пулю к головному убору, после чего мужа он в праве убить.

Сванеты страшно привязаны к своей родине. Если кто-нибудь из них умирает на чужбине, то земляки приходят, берут труп и хоронят на родине. Вместе с трупом на родину возвращают и душу умершего. Для этого один из сопровождающих труп играет на чианури, а остальные хранят глубокое молчание: Тихие чистые звуки инструмента привлекают душу, и она следует за телом. Когда приходится переходить речку, то душа пугается шума воды, и чианури теряет прежнюю свою звучность. Чтобы помочь душе миновать препятствие, через воду кладут бревно или протягивают веревку; чианури опять приобретает чистый звук, и молчаливая процессия двигается далее. Если трупа нельзя достать, то с разными обрядами в особой ямке около могилы кладут петуха (душа мужчины) или курицу (душа женщины). После молитвы и просьб душа покойника переходит в птицу, и процессия отправляется на родину только что описанным порядком, захвативши с собой петуха.

XV.

Татары адербейджанские.

Адербейджанские татары, населяющие почти всю восточную часть Закавказья, были поселены персами во время войн Грузии с последними из-за обладания Арменией. Персидские шахи выселяли местное население внутрь Персии, а на место их из Адербейджанской провинции поселяли татар. Впоследствии татары эти образовали несколько ханств: Эриванское, Нахичеванское, Ганжинское, Карабахское, Ширванское, Бакинское, Текинское и Кубанское, и служили оплотом пер-

сидского влияния и власти на севере империи во времена грузинского могущества. С присоединением Грузии эти ханства пали и признали власть России.

По образу жизни татары разделяются на кочевых, населяющих степи Муганскую, Карабахскую, Ширванскую, и оседлых, живущих по городам и селениям Бакинской, Елизаветпольской и отчасти Эриванской, Тифлисской и Дагестанской губерний. Персидское влияние сильно отразилось на них как в характере, обычаях, так равно и в религии (мусульманской шиитского толка) с ее изуверскими праздниками. Не приводя подробного описания быта татар, я ограничусь упоминанием об одном мусульманском празднике, справляемом с наибольшим фанатизмом, закавказскими шиитами. Праздник этот посвящен памяти имама Гуссейна, сына Алия, павшего под ударами Моавия, и носит название, „Шах-Сея". Я уже говорил, что шииты признают первым законным преемником пророка Магомета Алия его зятя, который был убит подосланными убийцами. Про судьбу же сына Алия,—Гуссейна, считающегося основателем секты шиитов, они рассказывают следующее. Гуссейн был приглашен тайно в Багдадский халифат местными шиитами для проповеди. Путь лежал по пустыне, через которую и двинулся Гуссейн вместе со своим семейством и имуществом. Моавий, владевший халифатством, узнал о намерениях Гуссейна и послал навстречу ему войско, чтобы окружить и взять его в плен. Когда войско Моавия встретило пророка, он, видя опасность, послал известить преданный ему народ, сам же, чтобы выиграть время, предложил начальнику войска единоборство. Единоборство это кончилось смертью его сына и племянника, вслед за которым он сам погиб вместе с остальным семейством от рук вероломных убийц. Подоспевшие спасители, не застав Гуссейна в живых, начали умерщвлять

сами себя. Это-то предание и служит предметом религиозного праздника Шах-Сея, часто называемого русскими просто „Саксей-Ваксей“. Название это получилось от возгласов, выражающих сожаление и печаль, которыми сопровождаются религиозные обрядности этого праздника: „Вай-Гуссейн!“ „Шах—Гуссейн!“ означают в переводе „Ай Гуссейн“, Шах-Гуссейн и сливаются при быстром произношении в „Ваксей“ и „Шахсей“. Праздник происходит летом, в первый месяц мусульманского лунного года Мохаррем и продолжается обыкновенно дней десять. Первые дни служат приготовлением к страшному дню крови, на котором благочестивые почитатели пророка Гуссейна истязают сами себя, желая выразить участие в предсмертных страданиях имама: на площадях, в мечетях и домах, при громадном стечении народа муллы читают о последних днях жизни Гуссейна с той страстью и экзальтацией, которые вообще

Свапетка с зобом.

свойственны восточным проповедникам мусульманства. Красивым и энергичным голосом, не скупясь на краски, они описывают путешествие по пустыни имама. Слушатели внимательно следят за ходом описываемого события и, хотя знают, чем оно кончится, но, качая головой и ударяя себя по обнаженной груди, шепчут „Алла, Алла“, желая этим предотвратить неминуемую катастрофу. Когда проповедник коснется описания момента появления клевретов Моавия на горизонте пустыни, то в толпе раздается возглас. „Ой, мэн улюм!“—т.-е. „ой, смерть идет!“—и вся она начинает волноваться: кто бьет себя по голове, кто ударяет в грудь, а кто просто, схватив голову обеими руками, качается из стороны в сторону; у многих на глазах появляются слезы. Оканчивая свою проповедь описанием жгучей картины убийства пророка и мучений его перед смертью, мулла в отчаянии, запрокинув голову назад, восклицает „Шах-сей“! В ответ ему, как один человек, голосом невыносимого страдания слушатели кричат „Вак-сей“ и начинают с силой ударять себя в грудь. Взвинтивши таким образом в течение нескольких дней под ряд свои нервы, правоверные шииты заканчивают праздник изуверской мистерией.

Со двора мечети на обширную площадь плавно выступает караван; на богато украшенных верблюдах сидит семейство Гуссейна сам Гуссейн идет и громким, чистым голосом читает, а затем поет псалмы; вокруг каравана увешанная дорогим оружием, верхом на лошадях, едет стража из приближенных пророка. Сделавши по площади круг, процессия скрывается во дворе мечети; в толпе наступает гробовое молчание. Чрез несколько минут из ворот показываются носилки, на которых под белым саваном лежит искусно сделанное тело Гуссейна; в него воткнуто три кинжала, и по полотну сделаны красные полосы крови. Этот грубый эффект сразу приводит тол-

пу в озверелое состояние, и она приходит в неистовство. За носилками идут в белых длинных хламидах ревнители праздника с непокрытыми, голыми, бритыми головами и обнаженными до плеч руками, в одной из которых (правой) зажат кинжал или шашка. Пройдя несколько кругов, процессия останавливается; тело Гуссейна уносится, а мулла начинает читать о последних моментах жизни пророка. Свое чтение он оканчивает отчаянным криком: „Шах-сей!“ Стоящие в белых хламидах люди с опущенными на грудь головами, с ответным криком „Вак-сей“, поднимают руки с оружием и опускают их на свои бритые головы. Первые струи крови орошают их белые одежды. Вслед за оглушительным боем барабана, звяканьем тарелок и криком толпы „Шах-сей“—„Вак-сей“, самоистязатели, тихо переступая, двигаются вперед сомкнутыми рядами, нанося себе по голове удар за ударом под такт барабана. Целые потоки крови текут по одеждам, вид которых заражает окружающих; всеми овладевает какой-то мрачный восторг. Женщины рвут волосы целыми прядями, царапают лицо и грудь нарочно отпущенными ногтями; мужчины же бьют себя в грудь и по лицу кулаками. Группа людей в белом, в религиозном экстазе, все сильнее наносит себе удары, совершенно не чувствуя боли. Чтобы хоть несколько ослабить жестокие удары кинжала, муллы подставляют под удар палки или же совершенно отбирают оружие. Многие падают без чувств от потери крови, и их уносят с места религиозного истязания. Ужасное шествие заканчивается не менее ужасным и мрачным напевом следующего стиха: „Как сегодня не прослезиться тебе, камень, кровью? Сегодня отрублено семьдесят две головы!“ После этого все участвующие расходятся и направляются в бани, где их ждет искусное лечение восточных знахарей. Вера в спасительность истязания в честь пророка настолько сильна,

что благочестивые матери в этот день таскают детей своих к цирюльнику, который делает им надрезы бритвой на темени. Даже грудные дети должны пролить несколько капель крови в честь пророка.

XVI.

Армения.

Плоскогорие Малого Кавказа занимает значительную часть пространства Закавказья. Оно очень высоко, с отлогими скалами и отличается замкнутостью, так как со всех сторон окружено высокими хребтами. Хребты эти достигают значительной высоты; с обрывистыми скалистыми склонами, изрытыми трещинами и глубокими ущельями, с вершинами, покрытыми большею частью снегом, они почти недоступны. Таковы Зангезурский хребет на востоке, Агридаг на юге, Триалетские горы на севере и Арсеянский хребет на западе. Внутри плоскогория разбросана масса отдельных невысоких хребтов, гор и кряжей с отлогими скатами. Вследствие значительной высоты плоскогория и полнейшей замкнутости климат здесь суровый и континентальный. Зима продолжается по полугоду, реки и озера замерзают, вьюги и метели бушуют среди гор, делая местность совершенно непроходимой. Морозы доходят до —25° Ц., между тем как летом жара достигает +38° Ц. Вследствие изрытости местности на плоскогории встречаются во множестве озера и котловины. Из них самое большое озеро Гокча, или Севанго. Весной и осенью озеро это очень бурно. Северо-восточные ветры нагоняют тучи, окутывающие соседние горы, на поверхность озера спускаются туманы, и озеро делается мрачным. Глаз не различает ничего, кроме волнующегося водяного пространства и темной мглы, сливающейся на горизонте. Летом озеро

меняет свой вид. Огромная водяная поверхность, окаймленная зубчатыми гребнями гор, резко обрисовывается под лучами яркого солнца, отражая в себе синеву неба. Там и сям чернеют нырки, по временам погружающиеся в воду, да белокрылые бакланы вьются над озером в поисках за рыбой, которой особенно богата Гокча.

Закавказье представляет как бы центр вулканической подземной силы всего края, которая проявляет здесь свою деятельность или частыми землетрясениями или постоянно действующими сопками и так называемыми вечными огнями. Образование же плоскогория Малого Кавказа целиком обязано вулканической силе. В самые древние времена, когда еще на земле не существовало никакой органической жизни, Кавказский перешеек был покрыт водою. Постепенно дно этого первобытного моря поднималось, выступало поверх воды и образовало равнину, которая с З. и В. омывалась мелководными морями, а на Ю. и С. соединялась с соседними такими же равнинами. В последующие эпохи Кавказ все более и более формировался. Образовавшиеся складки на поверхности перешейка вследствие охлаждения земли увеличивались. Вулканическая же сила, выдвинув несколько огнедышащих гор, как Эльбрус, Казбек, группы Пятигорья, Арарат и многие другие, начала выбрасывать через их жерла облака пепла и потоки лавы. Последние залили, засыпали ущелья и долины, превратив горную страну в высокие равнинные плоскогория, одним из которых и является плоскогорие Малого Кавказа. Богатые залежи вулканического туфа, известного под названием Александропольского камня, целый лес встречающихся в горах Закавказья окаменелых деревьев, засыпанных пеплом и залитых лавой, являются немыми свидетелями далекого прошлого вулканической деятельности. Землетрясения в Закавказье про-

исходят очень часто. Так, например, в 341 г., по словам Ефрема, дьякона Эдесского, горы Армении всколебались, взаимно столкнулись со страшным треском, пламенем и дымом и снова возвратились на свои подножия. В 736 г. землетрясение произошло в Дарала-гёзе; оно продолжалось, по свидетельству армянского летописца Киракоса Ганжинского, 40 дней среди полного мрака; жертвой его сделался город Моз, который, рухнув, засыпал и задавил до 10.000 человек. В конце IX в., после трех землетрясений, той же участи подвергся город Двин, тогдашняя столица Армении; под его развалинами погибло до 70.000 человек (в 893 г.). В 1319 г. ужасное сотрясение почвы разрушило последнюю армянскую столицу Ани. Ее храмы, дворцы, мосты и даже самые стены обратились в груды развалин, заставив жителей совершенно покинуть город. В 1669 г. добычей землетрясения сделались: Шемаха, разрушившаяся в несколько секунд, и селение Лача, лежавшее к югу от этого города и поглощенное вместе с населением и скотом разверзшеюся пропастью. В 1679 г. произошло землетрясение в Эривани и его окрестностях; в 1840 г. подземные удары исходили из глубины Арарата; почва колебалась, и более 6,000 домов разрушилось; на склоне самого Арарата образовалась расселина, из которой вырвались водяные пары и газы, окутав облаками его вершину, а масса грязи вместе с огромными камнями хлынула страшным потоком вниз и затопила всю низменность, простиравшуюся у подошвы горы, вместе с монастырем, селениями, садами, полями. Целые скалы отрывались от боков ущелий и вместе с свалившимися глыбами вечного снега устраивали плотины горным речкам. Последние после нескольких дней запруды прорывали плотину и становились грозными потоками, мчавшимися с неимоверной быстротой (один из них пробежал в 2 мин. 20 верст), разрушая все на своем

пути. В 1859 г. город Шемаха вновь пострадал от землетрясения, и, наконец, в 1902 г. он совершенно разрушился, сотни людей погибли под развалинами, а бедствия десятков тысяч оставшихся еще свежи у нас в памяти. Перед этим в 1899 г. население города Ахалкалаки испытало ту же участь, что и Шемаха.

Грязевые сопки более всего сосредоточены на Апшеронском полуострове и представляют иногда бо-

Керосиновый завод в Баку на берегу моря.

лото с бурлящей в середине грязью, с выделением углеводородных газов, а иногда небольшие вулканы, которые сопровождают свои извержения треском, огненным снопом искр, облаками дыма и пара и излиянием целых потоков грязи. Явление вечных огней заключается в том, что от разложения под землею нефти газы, водород и углерод, выделяются на поверхность из трещин и от прикосновения огня легко

воспламеняются и хорошо горят. Наибольшей известностью пользуются огненные источники в окрестностях селения Сураханы, в местности «Вечных огней», где огнепоклонники выстроили себе капище, из четырех труб которого вылетает большое пламя. Выделение горючих газов происходит также и со дна Каспийского моря на поверхности воды, именно около Баилова мыса Апшеронского полуострова. Газы эти, будучи зажжены, так же хорошо горят на воде, как и на земле.

На всем пространстве плоскогорья Малого Кавказа в долинах живут армяне и занимаются земледелием, а на возвышенностях по роскошным лугам кочуют курды, занимаясь скотоводством и разбоем. Армения начала свое существование, как и Грузия, с самых древних времен. Армянские предания гласят, что страна существовала еще до потопа и что после него она сделалась колыбелью человечества. Задолго до Р. Х. Армения подпала под власть ассирийцев, а затем вавилонян. Армянский царь Гайк II в качестве союзника Навуходоносора осаждал Іерусалим. После недолгого самостоятельного существования она стала в зависимость от персидских царей. Эта зависимость продолжалась до тех пор, пока Александр Македонский не присоединил ее вместе с Персией к своей обширной монархии. После смерти Александра Македонского Армения подпала под власть римлян, а затем византийцев. Богатство и роскошь армянских городов привлекали к себе диких кочевников востока и соседних более цивилизованных народов. Кровь лилась рекой, страна опустошалась, но, благодаря твердому общественному духу армян, города вновь отстраивались и селения приходили в цветущее состояние. В 428 г. ею овладели персы, и вплоть до 1242 г. она хотя и имела своих царей, но переходила из рук в руки: от персов к византийцам, от византийцев к арабам.

В 1242 г. монголы положили конец самостоятельному существованию Армении: в 1472 г. она делается персидской провинцией. Через 100 лет западная часть этой провинции вошла в состав Турецкой империи, под властью которой находится и до сих пор, страдая от фанатизма мусульманского населения; восточная же часть сначала оставалась во владении Персии, а затем, после персидской и турецкой войн (1829 и 1878 гг.), перешла к России.

Находясь на протяжении целого ряда веков под игом иноземцев, терпя от них всевозможные притеснения, гонения и унижения, большинство армян покинуло свое отечество и разбрелось по всему свету, сохранив свою национальность во всей неприкосновенности среди чуждых им народов. Такому сохранению много помогли язык и литература армян; существование же последней обязано изобретению армянской азбуки св. Месропом в 406 г.

В Закавказье армяне населяют главным образом Эриванскую долину. Эта долина, окруженная со всех сторон горами, была бы обречена на бесплодие и безлюдность, если бы из Аракса и его притоков не была проведена целая сеть оросительных каналов. Там, где есть орошение, местность отличается необыкновенным плодородием и густо населена; места же неорошаемые представляют пустынные солончаковые пространства, покрытые беловатым налетом соли, или каменистые степи, усыпанные обломками вулканических извержений. Благодаря обилию стоячей воды вследствие орошения и страшной жары, климат этой долины весьма нездоров. Упорные перемежающиеся лихорадки и понос составляют господствующие болезни. Обилие же комаров и целые тучи мошек служат истинным бичом для непривычного человека.

Главными занятиями миролюбивых армян с самых древних времен являются земледелие, торговля

и ремесла. Эриванская долина при искусственном орошении весьма плодородна. Богатые урожаи хлопка, риса, кунжута, успешное разведение винограда и табака вознаграждают труд земледельца.

Семейные отношения армян носят черты глубокой патриархальности. Не редкость, если у 80-летнего старца живут три поколения. Есть дворы, где живут до 40—50 человек. Положение армянской женщины—одно из завидных. Она равноправна с мужчиной, она не знала гарема востока и теперь, вступив в общество, стала приобщаться к общественной и умственной жизни.

Говоря о характере и нравственных чертах армянского народа, надо всегда различать два класса, резко между собой несходные. Земледельцы вполне честные и верные данному слову, придерживающиеся строгих правил, и городской торговый класс, хотя довольно деятельный, предприимчивый и терпеливый, но зато лживый, хитрый и корыстолюбивый чрезвычайно. Страсть к наживе—излюбленное дело. Господство капитала считается за высший идеал. Армянская поэзия превосходно охарактеризовала этот класс населения. Так один из поэтов, обращаясь к представителю такого класса людей, говорит:

...Блюдя интересы кармана,
Ты далек от общественных дел,
Ты привычек и жизни спокойной
Ни за что не изменишь. И что ж?
Человек ты, бесспорно, достойный,—
Но скажи, для чего ты живешь?..
На страданья других безучастно
Ты взираешь, о них не скорбя,
И, нуждой угнетаем, несчастный
Умолять бы стал тщетно тебя.
Вопли бедных к тебе—труд напрасный:
Ты жалеешь для нищего грош!..
Человек ты, бесспорно, прекрасный,—
Но скажи, для чего ты живешь?...

(„Прекрасный человек“ Рафаэля Патканьян. Перевод А. Шитова)

Религию армяне исповедуют христианско-григорианскую, окончательно введенную в V веке и названную по имени просветителя армян Григория, крестившего армянского царя Тиридата в 301 г. С введением христианства и с изобретением азбуки у армян быстро стала создаваться литература, которая вначале ограничивалась богословскими сочинениями, а затем историей, метафизикой, грамматикой. В настоящее время она отзывается на все современные вопросы и обогащается переводами образцовых иностранных сочинений.

XVII.

Курды.

Курды кочуют по горам всего Малого Кавказа, но главное средоточие курдских кочевок находится в так называемой Сенакской болотистой котловине, вблизи обширного горного озера Балыкгеля (Чалдырь). Озеро это лежит в середине плоскогория. Зимой оно покрывается толстым льдом и вследствие свирепствующих метелей почти непроездно. Летом же на озере разражаются часто сильные грозы, наводящие страх и ужас на дикаря-кочевника. Зарождаясь на высоком хребте Кысырдаге, гроза спускается на поверхность озера и совершает свой полет через него. Перед ее приближением доносится издалека свист ветра; тяжелые облака в виде густого дыма плывут над самой водой, прорезаемые ослепительной молнией; страшный гром потрясает окружающие горы, и, наконец, туман застилает все кругом, придавая картине мрачную таинственность.

Курдские сакли похожи скорей на норы, чем на человеческие жилища; они находятся наполовину в земле, и только по лаю собак да клубящемуся дыму можно

догадаться, что это—обиталище человека. Никаких улиц нет, лачужки разбросаны в беспорядке. На зимовках курд бывает уныл и мрачен, все время проводит в пустых беседах. Работа же по дому и хозяйству лежит на женщине. С наступлением весны он отправляется на кочевку и сразу оживает. «Надо быть среди них,—говорит один из исследователей их быта (С. А. Егиазаров),—чтобы видеть, как этот патриархальный, пастушеский народ наслаждается жизнью в горах, на свободе. Ранним утром и в сумерки со всех сторон слышны звуки пастушеской свирели; в лунные же вечера молодежь устраивает хороводы и пляшет под звуки зурны до поздней ночи».

Главное занятие курдов—овцеводство. Пастушество считается у них почетным званием. Отдельные стада достигают до 1500 голов. Образ жизни курда—весьма простой, ему чужда роскошь востока. Пищей главным образом служит зелень, которую он много истребляет, особенно репы и чесноку. Курд может голодать по нескольку дней сряду, но на различных празднествах предается излишеству. В своей семье курды—неограниченные властелины. Жена должна повиноваться вполне; даже в таких делах, как домашних, где мужчина почти несведущ, она несамостоятельна. За провинность он ее бьет, а за супружескую неверность обычай дает право ему отрезать у своей жены нос и уши. Для детей воля отца свята, отец может отдать детей в прислуги, лишить наследства, выгнать из дома. Нанесение жестоких побоев даже взрослым—не редкость, но убийства почти не бывает. Отец-детоубийца и сын-отцеубийца одинаково всеми презираются; с ними никто не разделит хлеба, считая, что он смешан с кровью родственников. Непослушные дети носят название «беоджах» и не пользуются уважением в обществе. Власть отца над дочерью сильней, нежели над сыном; она не кончается даже тогда, когда дочь вый-

дет замуж; в некоторых случаях отец имеет право расторгнуть брак. После смерти мужа вдова подчиняется старшему сыну. Очаг у курда имеет особое священное значение. Каждый дом заботится о поддержании у себя огня в очаге, так как знают, что никто из соседей не даст, если он потухнет. Как велико значение горящего очага, видно из той брани, кото-

Улица в туземной части города Баку.

рой курды награждают друг друга: «Пусть твой очаг потухнет и ветер развеет его пепел», говорит рассердившийся курд, т.-е. пусть семья вымрет и род прекратится. Когда новорожденному дают имя, то его обносят вокруг очага в знак приобщения его к семье; дочь, выходя замуж, обходит кругом очаг, как бы прощаясь с ним; сын же, отделяясь от отца, берет огонь из очага и разводит его у себя дома. Послушный и уважающий своих родителей курд носит на-

звание «сына очага», и, наоборот, человек без рода, семьи, расточительный, называется «человеком без очага». Обычай кровавой мести, присущий всем горцам Кавказа, у курдов носит ужасный кровожадный характер, свойственный только этому народу. Не только убийство, но малейшее оскорбление его влечет за собою кровавую месть. Убив врага, курд безо всякого отвращения пьет его кровь, а затем, намочив в ней рукава рубашки, возвращается домой, где мать или бабушка отомстившего отмывает рукава и пьет окровавленную воду. Вообще курд злопамятен, мстителен, жесток и неумолим. Хитрость, вероломство и предательство составляют дополнительные черты его характера. Воровство сильно развито, он зарежет, когда угодно, за несколько рублей даже своего гостя, хотя бы для этого ему пришлось и нарушить священный обычай гостеприимства.

Понятия о загробной жизни у курда весьма оригинальны. Еще не успел умирающий курд испустить дух, как присутствующие родные и знакомые поднимают вопль и рыдания, при чем одни рвут на себе волосы, другие, обсыпая себе голову пеплом, ударяют ею о стену или камень; сестра, жена и мать покойника царапают себе лица. Если это случится на кочевке, то сбивают столбы, поддерживающие палатку, и опускают ее на труп, желая тем самым показать, что после смерти дом покойника разоряется. В некоторых местах при погребении на саван кладут монету, палку и кусок мыла. Делается это для того, что если, по понятию курда, «Джабраил»—хранитель райских ворот не сочтет умершего достойным рая и не пустит его туда, то покойнику нужно подкупить «Джабраила»; если же это не поможет, то, намылив подошвы мылом, чтобы были скользкими, и, взяв палку в руки, должен умерший силой ворваться в рай. Таким обра-

зом, и в загробном мире курд остается все тем же упрямым и вероломным.

По вероисповеданию курды разделяются на суннитов и езидов. Первые—очень плохие мусульмане: постов и молитв не соблюдают, не имеют ни мулл, ни мечетей, так что у турок про них сложилась пословица: «Когда нет мусульманина, то и курд правоверный». Бог, по их верованиюю, есть существо грозное, принимающее участие в житейских дрязгах. Поэтому, когда курд приносит жертву, то с ребяческой наивностью просит у Бога помощи в убийстве, отмщении врагу, воровстве, обещая уделить часть добычи в пользу Его. Ангелы в представлении курда—существа смертные; они женятся на райских девах, от которых детей не имеют, и умирают только в день светопреставления. Последнее должно наступить после того, как хвост и голова гигантской рыбы, окружающей весь плоский земной круг, коснутся друг друга. В настоящее время расстояние между головой и хвостом ее всего два фута (надо заметить, что сведения эти собирались в 1878 г., так что теперь расстояние это, вероятно, еще меньше). Растет эта рыба чрезвычайно медленно, и то лишь во время сна. Бог, видя, что еще на земле много добрых и праведных людей, послал огромную злую муху—шмеля, который каждый раз, как только рыба закрывает глаза, лезет ей в нос,—рыба просыпается и человеческим голосом проклинает свою судьбу. Когда же люди своим беззаконием опротивят Богу, то он мгновенно усыпит рыбу,—мир разрушится и будет сожжен небесным огнем.

Курды-езиды избегают говорить о своей религии, а потому узнать, в чем состоит их вера, до сих пор не удалось. Известно только, что они веруют в единого Бога, чтут Христа за пророка, уважают Богоматерь, признают священными Библию, Псалтирь, Евангелие и Коран, верят в существование загробной жиз

ни, рая и ада, но при всем этом оказывают довольно странное уважение предводителю падших ангелов—Мелек-таузу. Это обстоятельство дало повод многим путешественникам и исследователям даже считать их за поклонников дьявола. Свое уважение к сатане езиды основывают на следующем рассуждении: падший ангел был создан светлым и добрым духом, т.-е. таким, как херувимы с серафимами. Он пал потому, что не исполнил воли Божией, но придет время, когда раскаявшегося дьявола Бог простит по своему милосердию, и тогда Мелек-тауз займет прежнее место между небесными ангельскими чинами, а езидам за оказанное уважение в его несчастии он выхлопочет первое место между сынами человеческими на страшном суде. Чтение и письмо ненавистно езидам, потому что в каждой-де книге употребляется имя падшего духа как бранное слово. Как ни кротки езиды, но при хуле сатаны в их присутствии, они берутся за кинжалы. Мистическое значение у них имеет круг. Если езида очертить, то он будет просить стереть круг, чтобы выйти из него. Рассказывают, что спящего пастуха-езида армянский мальчик очертил кругом и ради забавы стал кидать в него камнями. Проснувшийся пастух стал умолять стереть круг и освободить его, но мальчик продолжал свою жестокую игру до тех пор, пока езид не выстрелил из пистолета и не уложил шалуна на месте. Езиды-курды, в противоположность курдам-суннитам, крайне миролюбивы, тихого нрава, опрятны и весьма трудолюбивы.

ОТУ.

Типографія Вильде москва.